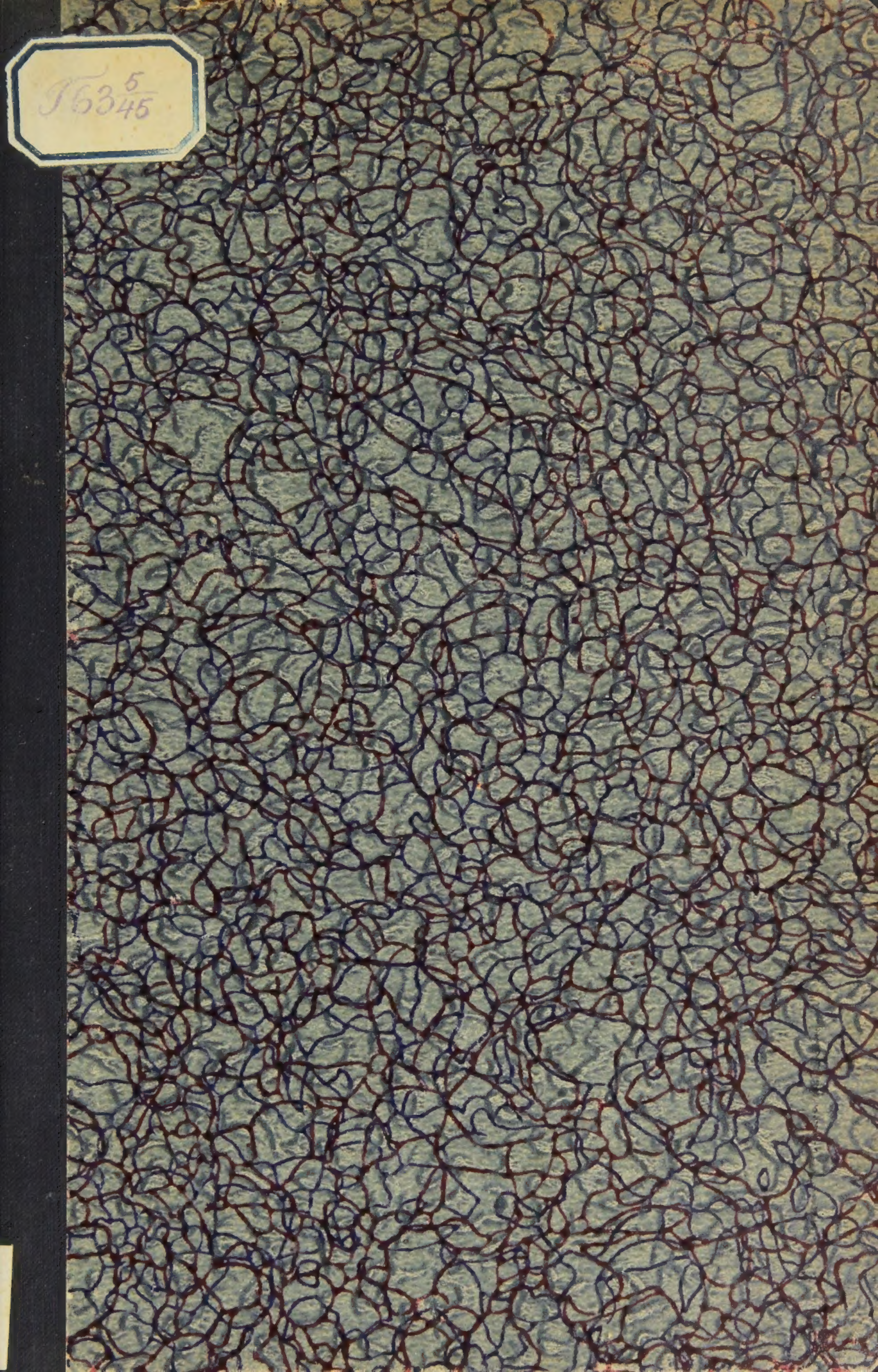

I63 5/45

ОПИСАНІЕ ВАСЮГАНСКОЙ ТУНДРЫ.

Н. П. ГРИГОРОВСКАГО.

Давно уже ходили слухи о заселеніи Васюганской тундры крестьянами и эти слухи дошли до Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, который въ 1882 году и поручилъ мнѣ изслѣдованіе колонизаціи Васюганскаго края за послѣднія двадцать пять лѣтъ. И здѣсь, въ той мѣстности, гдѣ уже около пятнадцати лѣтъ я проживаю, были и ходили подобные слухи, что по верховью Васюгана и впадающихъ въ него рѣчекъ, поселились крестьяне изъ россійскихъ губерній, старообрядцы-раскольники; будто бы настроили они себѣ селенія, завели пашни и скотину, и живутъ тайно, предаваясь своему фанатическому богомолью. Были слухи, что они дома свои строятъ подъ землею, въ родѣ остяцкихъ карамо̀, но что и въ этихъ карамо, еще ниже подъ землею, у нихъ устроены ходы, чтобы удобнѣе уйти и спастись отъ преслѣдованія властей, если бы это имъ понадобилось по обстоятельствамъ, и что нѣкоторые изъ инородцевъ-промышленниковъ иногда случайно заходили въ такія ихъ жилища, но всегда находили ихъ пустыми, а жителей всѣхъ укрывшимися въ ихъ подземныхъ ходахъ.

Слухи о подобныхъ тайныхъ заселеніяхъ ходятъ и здѣсь между инородцами Чаинской волости, что нѣсколько подобныхъ подземныхъ селеній выстроены раскольниками въ верховьяхъ притоковъ рѣки Чаи, рѣчекъ Нюрсы, Парбиги и Андармо, что случалось нѣкоторымъ инородцамъ-промышленникамъ въ одиночку натыкаться на такія селенія, что крестьяне принимали ихъ, кормили, снабжали хлѣбомъ на дорогу. Но когда эти же инородцы заходили къ нимъ въ другой разъ, то находили жилища ихъ пустыми, т. е. не находили ни одного жителя, хотя по всѣмъ признакамъ видно

было, что тутъ недавно, даже сегодня, были люди. А посѣщенія въ третій разъ всегда оканчивались смертію посѣтителей. Были примѣры, что инородцы-промышленники, сегодня ушедшіе изъ своего стана, не возвращались и даже совсѣмъ пропадали, и всѣ поиски за ними оставались напрасными. Такъ, около пяти лѣтъ назадъ, инородецъ Чаинской волости юртъ Кинджаровыхъ Егоръ Павловъ Аландинъ на промыслѣ ушелъ изъ стана съ собакою черезъ рѣчку, осенью еще до снѣгу, и не возвратился ни онъ, ни собака. Жена и братья на другой день бросились за рѣчку, искали и не нашли никакихъ слѣдовъ ни Егора, ни собаки. Дали знать волостному инородческому старостѣ, были согнаны на поиски люди, искали и никакихъ слѣдовъ не нашли. Очень могло случиться, что онъ убитъ подобными тайными поселенцами, какъ догадываются и сами инородцы. И такихъ примѣровъ въ послѣдніе годы случается не мало.

Но это только слухи, по всѣмъ видимостямъ вѣроятные, но справедливы ли они? Если нельзя поручиться за справедливость подобныхъ слуховъ по Чаинской волости за 500—600 верстъ отъ моего жительства, то тѣмъ болѣе невозможно поручиться за справедливость разсказовъ о верховьяхъ Васюгана за 2500 и болѣе верстъ. О справедливости этихъ слуховъ можно судить только, побывавши поближе къ этимъ мѣстностямъ, а гораздо лучше, посѣтивши ихъ. Поэтому я и принялъ на себя порученіе Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, какъ членъ-сотрудникъ онаго, имѣющій жительство къ Васюгану ближе другихъ сочленовъ.

Около 15-го іюля, получивъ пособіе отъ Отдѣла, я собрался въ путь, взявъ съ собою нужныя вещи и даже теплую одежду на случай, если бы захватила меня въ пути осень и даже начало зимы. Прибывъ въ городъ Нарымъ 22-го іюля, мнѣ подобно было запастись для себя и для людей, которыхъ я предполагалъ взять съ собою, провизіею по крайней мѣрѣ мѣсяца на два. Здѣсь нанялъ я одного провожатаго мѣщанина Александра Смирнова, какъ человѣка бывшаго не однажды въ Васюганѣ, сплавлявшаго разъ пять барки съ казеннымъ хлѣбомъ до Айполовскаго магазина, и

немного знающаго языкъ тамошнихъ инородцевъ. Онъ могъ служить мнѣ и для личныхъ услугъ и замѣнить кормщика въ случаѣ, если бы въ дальнѣйшемъ пути оказался недостатокъ въ людяхъ. Надобно было запастись еще крытою лодкою, чтобы въ случаѣ дождя и ненастной погоды она могла бы защищать меня, но подобной лодки въ Нарымѣ не нашлось. Находились купеческіе каюки, но очень велики, на которые кромѣ кормщика еще нужно шесть гребцовъ, и мнѣ оставалось по совѣту нѣкоторыхъ людей ѣхать въ открытой лодкѣ до села Каргасока и тамъ взять лодку у Леонида Сушкова, или Федора Рождественскаго, или, въ случаѣ неимѣнія у нихъ подходящихъ лодокъ, добраться до первыхъ въ Васюганѣ юртъ Югиныхъ, гдѣ дѣлаются подобныя остяцкія лодки. Тамъ же въ Каргасокѣ, или юртахъ Югиныхъ, я могъ найти и нанять людей, бывавшихъ въ Васюганѣ и могущихъ сопровождать меня въ дальнѣйшій путь.

Отъ Нарыма внизъ по Оби земская гоньба производится подрядными ямщиками, потому мнѣ по открытому листу отъ г. засѣдателя безъ задержки можно было добраться до села Каргасока. По самому же Васюгану такой подрядной гоньбы нѣтъ, а вся земская гоньба производится мѣстными жителями инородцами. Эти инородцы особенно въ лѣтнее время постоянно отлучаются изъ юртъ, то за промысломъ рыбы, то на промыселъ звѣря, то еще по разнымъ случаямъ, и юрты остаются совершенно пустыми, такъ что не только ямщиковъ или лодки, но даже и самаго провожатаго достать невозможно. Оффиціальныя административныя и полицейскія распоряженія посылаются изъ Нарыма до села Васюгана единственно съ попутчиками. Пріѣдетъ изъ села Васюгана священникъ, или псаломщикъ за жалованьемъ, пріѣдетъ церковный староста, или вахтеръ хлѣбныхъ магазиновъ съ отчетами, пріѣдетъ инородческій старшина для сдачи ясака, или для полученія на свою волость пороху и свинца,—вотъ и всѣ попутчики; чрезъ нихъ и отправляется изъ Нарыма и оффиціальная и вся частная корреспонденція. Даже мнѣ самому случилось увезти до села Васюгана три пакета. Слышалъ я во время своего проѣзда, что однажды лѣтомъ, во время сѣнокоса, инородцы везли по Васюгану нароч-

наго отъ г. засѣдателя, смѣняя почти на каждой верстѣ, гдѣ только прилучатся на покосѣ люди, такъ что на одномъ станкѣ ямщики смѣнялись разъ до двадцати. И каждый разъ при смѣнѣ нарочному нужно было ждать, когда новые ямщики напьются чаю или сварятъ котелъ рыбы и наѣдятся, за чѣмъ обыкновенно проходило не менѣе полутора часа на каждой смѣнѣ. Въ заключеніе же, не доѣзжая до станка верстъ пять, передъ утромъ, когдапасажиръ разоспался, ямщики пристали къ берегу и разбудили нарочнаго, объясняя ему, что пріѣхали на станокъ и остановились противъ дома старшины. Нарочный, соскочивъ со сна, вышелъ на берегъ съ своею сумкою, и, каково же было его удивленіе, когда онъ очутился въ густомъ лѣсу на берегу, а ямщики, привезшіе его, спокойно отчалили отъ берега и отправились на другую сторону рѣки. На крики нарочнаго они не отозвались и такъ скрылись въ сумракѣ сѣрѣвшаго утра. У несчастнаго волосы стали дыбомъ, онъ уже считалъ себя жертвою медвѣдя, но по счастію онъ попалъ на лѣсную тропинку, которая привела его къ стану старшины. Тутъ старшина косилъ и ставилъ сѣно съ своимъ семействомъ, состоящимъ изъ женщинъ и дѣтей. Объяснились, и уже самъ старшина довезъ нарочнаго до юртъ въ маленькой лодочкѣ. При такомъ положеніи дѣлъ, очень немудрено, что нарочный изъ Нарыма, доѣхавъ только до села Васюгана, можетъ воротиться въ Нарымъ не ранѣе трехъ мѣсяцевъ. И хотя отъ Нарыма до села Васюгана считается зимнею дорогою около 500 вер., но на самомъ дѣлѣ водою, при чрезвычайно извилистомъ, и вообще зигзагами теченіи рѣки Васюгана, непремѣнно будетъ до 800 или 900 верстъ.

Поиски лодки и заготовленіе запаса продержали меня въ городѣ Нарымѣ, откуда я выѣхалъ 26-го іюля и 27-го около полудня доѣхалъ до дер. Ильиной, а 28-го къ вечеру до села Каргасока. Въ Каргасокѣ получилъ свѣдѣніе, что по Васюгану въ рѣкѣ людей вообще мало, и необходимо было для безостановочнаго слѣдованія впередъ нанять своихъ людей и запастись лодкою. Здѣсь мною былъ еще принанятъ одинъ крестьянинъ за двадцать пять руб. въ мѣсяцъ, тѣмъ болѣе, что пора была покосная и въ тай-

гахъ, прилегающихъ къ Нарыму, уже поспѣвали орѣхи, добыча которыхъ могла дать каждому рабочему отъ 30 до 40 руб. въ мѣсяцъ. Подходящей лодки невозможно было найти, а потому мнѣ пришлось взять простую ямскую лодку до юртъ Тингунака, гдѣ уже начинается подводная инородческая гоньба по Васюгану. 29-е іюля было проведено въ Каргасокѣ, а 30-го утромъ, часовъ около 10-ти, я попалъ въ Тингунакъ. Здѣсь всего только три избушки на остяцкій манеръ и, какъ разъ, ямщики, слѣдующіе въ Васюганъ, въ эту ночь увезли изъ Нарыма вахтера васюганскаго хлѣбнаго магазина. Мнѣ же приходилось, или дожидать возвращенія ямщиковъ, или нанять двухъ человѣкъ съ лодкою, чтобы они при помощи моихъ людей довезли меня до юртъ Югиныхъ, на разстояніи около 50 верстъ и противъ теченія и быстрины Васюгана, тѣмъ болѣе, что здѣшнимъ жителямъ было уже извѣстно, что въ Васюганѣ, отъ бывшаго всю весну и лѣто ненастья, вода была очень большая и теченіе быстро.

Лодку здѣсь нашли большую и тяжелую, для которой, кромѣ кормщика, необходимо было покрайней мѣрѣ три гребца. Нанявши здѣсь двоихъ остяковъ до юртъ Югиныхъ, около 4-хъ часовъ пополудни поѣхали далѣе. День былъ ясный, уже четыре дня погода стояла хорошая. Къ 7-ми часамъ мы доѣхали до проточки налѣво по теченію Оби, которая чрезъ чворъ и рѣчку Магильку соединяется съ Васюганомъ и гдѣ объѣздъ короче, такъ какъ до устья Васюгана надобно было ѣхать еще около 18 верстъ внизъ по Оби. Отъ устья же до соединенія Магильки съ Васюганомъ разстоянія болѣе, нежели ѣзда проточкою, чворомъ и Магилькою, слѣдовательно тутъ дорога сокращалась не менѣе, какъ на 15 верстъ. Только возникло сомнѣніе, можно ли проѣхать проточкою до чвора, такъ какъ въ концѣ проточки бываетъ мелко, но остяки-гребцы объявили, что проѣхать можно, и даже вчера одинъ изъ нихъ проѣхалъ тутъ на обласкѣ. Такъ и порѣшили ѣхать этою ближнею дорогою, а въ случаѣ мелководья протащить лодку волокомъ. Когда проѣхали проточкою уже версты три, стало мелко, и ямщики, и мои люди должны были выйти изъ лодки и по колѣна въ водѣ тащить ее. Не смотря на усилія ихъ, лодка вязла въ илистомъ днѣ про-

точки и на чрезмѣрныя усилія ихъ она подавалась только на какой либо аршинъ впередъ, а протащить надобно было покрайней мѣрѣ саженъ двадцать. Болѣе часа возились тутъ, наконецъ выбрались съ мели и въѣхали въ чворъ.

Ночь была ясная, спать было невозможно при постоянной греблѣ веселъ, а потому, рѣшившись уснуть уже по пріѣздѣ въ юрты Югины, я сталъ разговаривать съ ямщиками инородцами на ихъ языкѣ. Отъ разговора о ясномъ небѣ, мы перешли къ разговору о звѣздахъ. На спросъ мой о созвѣздіи Лося они мнѣ разсказали легенду почти сходную съ верховскими инородцами, какъ тунгузъ, самоѣдъ и остякъ на промыслѣ преслѣдовали лося, что остякъ воротился въ станъ за котелкомъ, чтобы варить лосиное мясо, съ котелкомъ догналъ своихъ товарищей и, опередивъ самоѣда, сталъ между нимъ и тунгузомъ, какъ тунгузъ сталъ требовать отъ своихъ лозовъ, чтобы они дали бы ему убить лося, и тогда лоси должны были бы водиться въ землѣ тунгузовъ, какъ онъ хотѣлъ по убіеніи лося обернуться и убить своею палмою бѣжавшихъ за нимъ товарищей, какъ остякъ отстранился вправо, пустилъ стрѣлу въ лося и убилъ его, и какъ послѣ этого всѣ они: тунгузъ, остякъ, самоѣдъ и лось мгновенно были перенесены на небо и сдѣлались звѣздами (созвѣздія Лося). Потомъ они разсказали мнѣ, что повыше Лося есть три звѣзды, которыя у нихъ называются „прясліцею лося“, но почему имъ дано такое названіе, никто изъ нихъ не могъ объяснить мнѣ. Изъ чвора мы въѣхали въ рѣчку Магильку и по ней къ полуночи добрались до запоровъ, гдѣ инородцы промышляютъ рыбу. Рѣчка Магилька узка, не болѣе шести саженъ, по берегамъ ее растетъ тальникъ, а потому тутъ, въ лѣсной мѣстности, множество комаровъ и мы принуждены были и на лодкѣ развести курево. У запоровъ мы остановились согрѣться и напиться чаю. Здѣсь мы нашли до 10 лодокъ васюганскихъ остяцкихъ семействъ, которыя расположились на берегу своими лѣтними берестянными станами и ловятъ и сушатъ рыбу, въ ожиданіи, когда поспѣютъ орѣхи. Въ самомъ Васюганѣ, и въ особенности выше села Васюгана орѣхи не уродились, а потому тамошніе жители и выплыли сюда въ лодкахъ для сбора орѣховъ въ тайгахъ по Оби

близь Нарыма. Здѣсь мы осматривали, какъ на рѣшеткахъ сушатъ порсъ, и даже насъ угощали остяцкимъ произведеніемъ „варка", сдѣланнымъ въ родѣ пастилы изъ рыбьихъ потроховъ. Она сбита, разсучена въ палецъ толщиною и нарѣзана ремешками, затѣмъ на рѣшеткахъ поджарена въ рыбьемъ жиру, но только приготовлена безъ соли, а потому безвкусна, а между тѣмъ остяки ѣдятъ ее съ наслажденіемъ. Напившись чаю и погрѣвшись у огня, мы поѣхали дальше и черезъ полчаса въѣхали въ рѣку Васюганъ.

Въ Васюганѣ дѣйствительно вода была высока, такъ что прибрежный тальникъ аршина на два былъ затопленъ водою, и быстрина была довольно сильная, такъ что трое гребцовъ и кормщикъ едва могли справляться съ лодкою. По правому берегу противъ теченія Васюгана ростетъ тальникъ, осинникъ, березникъ, частію пихтовникъ и ельникъ, а по лѣвому берегу черный кедровый лѣсъ. Близь юртъ Югиныхъ этотъ лѣсъ года три назадъ выгорѣлъ и югинскіе жители спаслись отъ пожара только тѣмъ, что прорыли большой ровъ и не дали огню распространиться дальше. Около 2-хъ часовъ пополудни 31-го іюля мы добрались уже до юртъ Югиныхъ.

Здѣсь въ юртахъ всего пять избушекъ, выстроенныхъ на манеръ крестьянскихъ—деревенскихъ, только безъ дворовъ. Одинъ изъ нихъ даже двухъэтажный, принадлежащій крестьянину Ивану Ѳедулову, принятому съ малолѣтства здѣшнимъ остякомъ, богачемъ, и женатому на русской крестьянкѣ. И самъ Иванъ, и жена его болѣе походятъ на остяковъ и по жизни и по обиходу въ домѣ, а дѣти его взрослые два сына и дочь даже не умѣютъ говорить по русски, такъ какъ взросли между инородческими ребятишками и переняли отъ нихъ съ малолѣтства и языкъ, и всѣ инородческіе обычаи. Порядокъ въ его, уже почти разрушающемся, домѣ ведется на половину русскій, а на половину инородческій; а дѣти сыновья уже не изъявляютъ желанія жениться на русскихъ, и дочь выходить за русскаго, и поэтому, мнѣ кажется, что лѣтъ черезъ 5 или 6 эта единственная въ Васюганѣ семья русскихъ обратится въ инородческую. Здѣсь привелось мнѣ провести два дня, такъ какъ нужно было, или пріобрѣсти, или окортомить

крытую лодку, удобную во время ненастья, и нанять на всю дорогу третьяго человѣка, такъ какъ по слухамъ изъ верховьевъ Васюгана всѣ люди разъѣхались внизъ къ Оби для сбора орѣховъ, и нѣсколько лодокъ ихъ мы видѣли въ рѣчкѣ Магилькѣ у запоровъ. Здѣсь, въ юртахъ Югиныхъ, на берегу строится много остяцкихъ крытыхъ лодокъ, необходимыхъ для ихъ водяныхъ поѣздокъ, и тутъ же мы нашли и окортомили до возвращенія назадъ лодку, довольно ходкую и удобную для моего путешествія, только надобно было ее проконопатить, осмолить и сдѣлать нѣкоторыя исправленія, смотря по нуждѣ нашихъ удобствъ. Пока исправлялась лодка, необходимо было имѣть въ ней и пологъ для защиты отъ комаровъ, и мнѣ приготовили, сшили и поставили въ носовой части лодки удобный пологъ, куда ни одинъ комаръ не имѣлъ возможности проскользнуть. Пока все это готовилось мнѣ необходимо было осмотрѣть озеро Пѐрель-ту и прилежащія къ нему озера, и второй день пребыванія моего въ юртахъ Югиныхъ былъ посвященъ мною для осмотра этихъ озеръ, находящихся отъ юртъ какихъ нибудь въ двадцати пяти верстахъ.

Взявъ съ собою хозяина моей квартиры Ивана Ѳедулова и одного изъ Югинскихъ остяковъ, у котораго верстахъ въ двухъ въ лѣсу была лодка, утромъ рано 2-го августа мы отправились къ озеру. Сначала къ сѣверу отъ юртъ прошли тальникомъ, а потомъ около двухъ верстъ хвойнымъ кедровымъ лѣсомъ, и дошли до низкаго мѣста, покрытаго водою, вслѣдствіе бывшаго всю весну и лѣто ненастья и сильной прибыли воды въ Васюганѣ, разливомъ котораго затопило всѣ низменности. Тутъ мы нашли лодку и въ ней уже поѣхали къ озеру по направленію на сѣверо-западъ. Ѣхали почти все лѣсомъ, который былъ затопленъ водою аршина на полтора, иногда и менѣе. Проѣхавъ такъ по лѣсу верстъ около восемнадцати, мы добрались до покатой возвышенности, имѣющей склонъ на востокъ, и опять версты двѣ шли пѣшкомъ, тогда дошли до озера Пѐрель-ту съ юго-восточной стороны. Само озеро имѣетъ фигуру элипсиса, съ одной стороны съуженаго и загнутаго, длиною оно верстъ до десяти, а шириною отъ трехъ до шести верстъ. Въ немъ водится много рыбы: щуки, язей и окуня, а близь него

расположены пять маленькихъ озеръ, также обильныхъ рыбою, прямо же отъ него на востокъ верстахъ въ двухъ есть безъимянное озеро, которое соединяется съ озеромъ Пе́рель-ту проточкою, а изъ этого безъимяннаго озера идетъ на востокъ извилистая проточка въ рѣку Васюганъ. Между Пе́рель-ту и безъимяннымъ озеромъ, въ полуверстѣ на сѣверъ, въ глухомъ мѣшаномъ лѣсу на четырехъ столбахъ поставленъ довольно вѣтхій маленькій амбаръ сажени въ двѣ длины и въ сажень ширины. Амбаръ этотъ безъ оконъ, съ низенькою дверью, къ которой идетъ съ земли вѣтхая уже лѣстница. Хозяинъ мой, Иванъ Ѳедуловъ, объяснилъ мнѣ, что этотъ амбаръ построилъ его дѣдъ, отецъ его пріемнаго отца, и имѣлъ тутъ своихъ ло́зовъ (духовъ), да и въ настоящее время въ этомъ амбарѣ хранится одинъ лозъ (истуканъ языческій, кукла), которому ближніе окрестные жители приносятъ подарки, или жертвы, а въ весеннее время собираются сюда съ своими подарками ло́зу, закалываютъ въ честь его молодаго быка, или жеребенка, ѣдятъ его въ честь ло́за и пьютъ привезенное съ собою вино. Каждый годъ кто либо изъ инородцевъ, богатый ли, бѣдный ли, обязывается по очереди доставить сюда животное для жертвы, а вино и подарки ло́зу привозятъ каждый участвующій. Вошедши по лѣстницѣ въ амбаръ, мы увидѣли въ одномъ углу направо, на прикрѣпленной треугольной полочкѣ истуканъ ло́за до трехъ четвертей вышиною, просто деревянный, грубо обтесанный чурбанъ, лицо, глаза, носъ и ротъ означены зарубками и одѣтъ этотъ ло́зъ въ холщевую-крапивную рубашку. Рукъ у него нѣтъ, только болтаются рукава рубашки, посаженъ этотъ истуканъ на полочкѣ, а низъ рубашки свѣсился съ полочки. Къ этому углу, повыше истукана, къ потолку прикрѣплено нѣсколько жердей и на нихъ развѣшаны подарки ло́зу: нѣсколько платковъ, аршина по два разнаго ситцу, ленточки, тесемочки, ремешки, шкурки бѣлокъ горностаевъ и колонковъ, въ углу подъ истуканомъ лежатъ двѣ шкуры лисицъ и одна оленья голова съ рогами. Пахнетъ въ амбарѣ сыростію. Осмотрѣвъ въ подробности все это, мы снова затворили амбаръ и отправились въ обратный путь въ юрты Югины. Обратный путь былъ для насъ не очень счастливъ, на половинѣ

дороги насъ засталъ дождикъ и довольно сильный, а надо было ѣхать, потому что спастись отъ дождя было некуда, и мы уже въ сумеркахъ, промокшіе до костей, прибыли въ юрты. Всю ночь шелъ дождь, хотя не очень сильный.

3-го августа около полудня, когда дождь немного пересталъ, мы поѣхали изъ Югиныхъ въ юрты Маргины. Во всю дорогу былъ сильный дождь и сильный, прибойный вѣтеръ съ юго-запада. Гребцы мои измучились до нельзя, промокли отъ дождя, перемерзли отъ сильнаго, холоднаго вѣтра, и едва, едва къ разсвѣту 4-го августа мы попали въ юрты Маргины. Юрты расположены на правомъ берегу рѣчки Пассáу, впадающей въ Васюганъ съ правой стороны теченія его, верстахъ въ восьми отъ устья ея. Онѣ состоятъ изъ трехъ жалкихъ избушекъ безъ печей. Печи здѣсь замѣняютъ чувалы въ углу, ближе къ двери, умазанные глиною, гдѣ дрова ставятся стоймя, какъ въ каминѣ, и гдѣ подвѣшиваются котелки и чайники, для варенія пищи и кипяченія чаю. Труба чувала, выведенная вверхъ, ничѣмъ не закрывается, а потому въ избѣ всегда бываетъ, или холодъ, или дымъ отъ разложеннаго въ чувалѣ огня. Не знаю, какъ въ этихъ избахъ здѣсь живутъ они зимою. Когда мы пріѣхали, еще только наставало утро и инородцы всѣ спали богатырскимъ сномъ, по своей природной привычкѣ поспать до полудня. Чувала еще нигдѣ не топилось, обогрѣться было рѣшительно негдѣ. На берегу илъ и страшная грязь отъ бывшаго и еще непереставшаго дождя. Едва взобрались мы на высокій берегъ, зашли въ одну избу и разбудили хозяевъ. У всѣхъ моихъ гребцовъ зубы стучали, какъ въ лихорадкѣ. Надобно было обогрѣться и обсушиться. Когда былъ разведенъ въ чувалѣ огонь и подвѣшенъ дорожный нашъ чайникъ съ водою и пріятная теплота разлилась по комнатѣ, хотя наполненной дымомъ, то мои гребцы сняли съ себя мокрое платье, и развѣсили его тутъ же для просушки. Потомъ одинъ изъ нихъ сходилъ провѣдать лодку, не попали бы туда собаки, которыхъ въ каждыхъ юртахъ множество, и не добрались бы до нашихъ запасовъ, заперъ лодку дверями, приставилъ каждую дверь досками и принесъ намъ въ избу чайный запасъ и кусокъ солонины для приготовленія обѣда. Напившись

чаю и поставивъ вариться обѣдъ, мои гребцы залегли на нары на отдыхъ, такъ какъ не спали и мерзли на дождѣ и вѣтрѣ цѣлую ночь.

Не желая прожить цѣлыя сутки въ дыму отъ огня чувала, который совершенно выѣдалъ глаза, я рѣшился нанять здѣсь трехъ человѣкъ гребцовъ, чтобы довезти насъ до юртъ Наунáка, можетъ быть, тамъ найдется хатка поудобнѣе, безъ сквознаго вѣтра и задушающаго дыма. Хозяина избы согласился довезти насъ и нашелъ себѣ еще одного товарища, а въ корму рѣшилъ посадить свою дочь дѣвочку лѣтъ пятнадцати, увѣряя, что она отличный кормщикъ. Я разбудилъ Смирнова, тѣмъ болѣе, что обѣдъ нашъ уже поспѣвалъ, онъ разбудилъ другихъ, пообѣдали по остяцки на нарахъ и отправились въ лодку. Гребцы мои забрались въ кормовую часть лодки, гдѣ на доскахъ для нихъ было наложено сѣно и постланъ войлокъ, и укрывшись тулупами, завалились спать. Новые гребцы сѣли въ греби, дѣвочку посадили въ корму и поѣхали до Наунáка. Дождя сильнаго не было, а моросилъ дождь осеннiй мелкiй и частый, но все-таки, хотя сносно мочилъ моихъ гребцовъ. Я же въ своей носовой части лодки прилегъ, такъ какъ сѣсть было въ ней невозможно, она была низка, и тоже заснулъ, такъ какъ ночью спалъ очень мало, все еще не могъ привыкнуть къ всплеску веселъ и къ ударамъ ихъ въ упорины лодки и въ дымной избѣ юртъ Маргиныхъ рѣшительно не могъ ни писать, ни соснуть.

Проснулся я уже часовъ въ 5 вечера, дождь крупными каплями билъ въ крышу моей лодки. Спрашиваю, далеко ли уѣхали? отвѣчаютъ: недавно проѣхали половину. Посмотрѣлъ въ дверь лодки, по берегамъ черный кедровый лѣсъ, волны сильно бьютъ лодку къ берегу, дождь льетъ на моихъ гребцовъ, кормщикъ—дѣвушка то и дѣло вычерпываетъ воду, скопляющуюся отъ дождя въ кормѣ. Почти свѣта Божьяго не видно, а еще осталось до юртъ около 15 верстъ, если половину только недавно проѣхали, да и что толку въ юртахъ, если къ нимъ и выйти за грязью невозможно, а если и выйдемъ, то дымъ выѣстъ глаза. Нечего дѣлать надобно лежать въ лодкѣ, терпѣть до станка, да еще благодарить

Бога, что по милости крытой лодки дождь не превратилъ меня самаго въ мокрую курицу. Кое-какъ часамъ къ 11 ночи мы дотащились до Наунака. Юрты стоятъ на лѣвомъ крутомъ берегу Васюгана и состоятъ изъ четырехъ такихъ же жалкихъ лачужекъ съ чувалами вмѣсто печей. Выйти изъ лодки на берегъ оказалось очень труднымъ и по темнотѣ ночи и по скользкой отъ дождя тропѣ; и я приказалъ Смирнову согрѣть, гдѣ нибудь, у чувала для меня чай и принести его сюда въ лодку, а для себя мои гребцы пусть приготовятъ и ужинъ.

Мои гребцы и ямщики, везшіе меня до Наунака, пошли на берегъ въ юрты, а я остался въ лодкѣ, въ темнотѣ, въ ожиданіи чая. Прошло около часа, пока юрточные жители были разбужены, развели въ чувалѣ огонь и вскипятили чай. Смирновъ принесъ чайникъ мнѣ въ лодку и мы вмѣстѣ съ нимъ напились чаю въ моей носовой части лодки, въ потемкахъ, въ полулежачемъ положеніи. Нечего дѣлать, жаль, что не взяли фонаря и свѣчь, а тутъ до самаго села Васюгана этихъ вещей достать рѣшительно негдѣ. Напившись чаю, я послалъ Смирнова въ юрты ужинать съ прочими гребцами, также покормить и ямщиковъ, везшихъ насъ изъ Маргиныхъ, а самъ рѣшился провести ночь тутъ въ лодкѣ. Между тѣмъ дождь шелъ все сильнѣе и сильнѣе, черезъ часъ пришли мои люди и улеглись въ кормовой части лодки, и я, убаюкиваемый мѣрными ударами дождевыхъ капель въ крышу лодки, вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

5-го августа я проснулся когда еще свѣтало, разбудилъ людей, чтобы грѣли чай и собирались въ путь. Чрезъ полчаса я вышелъ изъ лодки, едва взобрался на берегъ по скользкой тропѣ и то съ помощію палки, попавшейся мнѣ тутъ случайно, и нашелъ своихъ людей въ дымной курной избушкѣ. Тутъ мы расположились пить чай на нарахъ, вокругъ маленькаго столика четверти въ полторы вышины, какіе обыкновенно употребляются инородцами въ ихъ промысловыхъ путешествіяхъ. Между тѣмъ хозяинъ избы принесъ десятка три свѣжихъ карасей, вчера только изловленныхъ, и предложилъ намъ сварить для насъ изъ нихъ обѣдъ. На это предложеніе нельзя было не согласиться, тѣмъ болѣе, что

соленое мясо намъ уже надоѣло. Мы отобрали съ десятокъ по крупнѣе и, сваривъ, позавтракали ими.

Позади Наунака простирается хвойный кедровый лѣсъ. Въ этомъ лѣсу, въ прогалинахъ много мелкихъ озеръ, гдѣ мѣстные жители добываютъ карасей и мелкую бѣлую рыбу: щукъ, окуней, плотву и ельца. Изъ вяленыхъ на солнцѣ плотвы и ельца и поджаренныхъ на медленномъ огнѣ, мѣстные жители приготовляютъ порсъ, который въ свѣжемъ видѣ и хорошо приготовленный напоминаетъ собою вкусъ копченыхъ сельдей.

Вообще по Васюгану, начиная съ первыхъ юртъ Югиныхъ, въ каждыхъ юртахъ, какъ и по верховью Оби между инородцами, видишь на берегу заготовленныя сушниковыя дрова, сложенныя стоймя кострами. Это весною во время разлива рѣки несетъ по водѣ множество валежника, который въ каждыхъ юртахъ ловится собственно женщинами—инородками и складывается въ такіе костры. Мужчина-инородецъ не возмется за такое низкое ремесло, какъ добыча и рубка дровъ, почитая себя потомкомъ прежнихъ богатырей и промышленникомъ. Убить лося, оленя, убить медвѣдя одинъ на одинъ,—онъ считаетъ дѣломъ, достойнымъ рукъ своихъ и труда, но заготовить и нарубить дровъ, онъ почитаетъ для себя низкимъ. Даже въ морозную зиму, когда въ домѣ нѣтъ ни полѣна дровъ и нечѣмъ затопить чувалъ, чтобы согрѣться, женщина или дѣвка-инородка беретъ съ собою нарту и идетъ на лыжахъ въ лѣсъ, чтобы привезти дровъ. Дрова эти тоже никогда не изрубятся сразу и не складутся въ полѣнницу, какъ это дѣлается у русскихъ, но хозяйка дома всегда съ вечера нарубитъ изъ костра на истопку дровъ и принесетъ въ избу, чтобы завтра они были готовы.

У обскихъ инородцевъ избы почище, поопрятнѣе, и въ каждой изъ нихъ есть русская печь, гдѣ можно испечь хлѣбъ, или сварить что-нибудь. Въ Васюганѣ же избы меньше, грязнѣе и вмѣсто печи всегда въ углу у входной двери чувалъ. Берется толстое дерево, аршина полтора или два въ діаметрѣ, съ него сдирается кора и, когда уже эта кора высохнетъ и приметъ фигуру полукруга въ діаметрѣ, тогда ее ставятъ въ избѣ въ углу; вверху, въ

потолкѣ, вырубается отверзтіе, куда выставляется конецъ высохшей древесной коры четверти на три для выхода дыма: вотъ и чувалъ. Внизу чувала сбивается глинянный очагъ, гдѣ разводится огонь, а вся внутренность чувала по древесной корѣ густо и толсто намазывается глиною, чтобы кора не могла загорѣться. На бокахъ же древесной коры чувала дѣлаютъ нѣсколько зарубокъ, на которые на палкѣ привѣшиваются котелокъ или чайникъ. Тутъ же предъ огнемъ чувала васюганскіе инородцы пропекаютъ на шашлыкѣ или вертелѣ, свой прѣсный хлѣбъ-скороспѣлку. Для печенія же настоящаго кислаго русскаго хлѣба у нихъ въ каждыхъ юртахъ устраивается на особомъ срубѣ русская глинобитная печь просто на улицѣ. Эта печь безъ трубы и имѣетъ только одно устье, куда кладутся дрова; въ это же отверзтіе выходитъ и дымъ. Когда дрова перегорятъ и останутся угли, то эти угли сгребаютъ въ задъ печи, а въ переднюю половину ея садятъ хлѣбъ, потомъ закрываютъ отверзтіе деревянною доскою и даютъ испечься хлѣбу.

Около 9 часовъ утра мы пустились изъ Наунака до Усть-Чижапки. Васюганъ тутъ течетъ очень извилисто, и эти то извилины здѣшніе инородцы называютъ мучами. Иногда эта извилина или мучь, загибается въ сторону, тамъ идетъ тоже множествомъ плесовъ и зигзаговъ. Ѣдешь этими зигзагами верстъ шесть и болѣе, и пріѣзжаешь почти къ тому же мѣсту, гдѣ начинается загибъ, между тѣмъ отъ начала этого загиба до конца, если бы протащить лодку волокомъ, будетъ разстоянія не болѣе пятидесяти, или ста саженъ. Изгибъ же теченія не такой большой называется просто плёсомъ. Здѣшніе инородцы и все разстояніе по рѣкѣ Васюгану мѣряютъ этими „мучами“ и плёсами. Спросите ямщика, сколько еще осталось ѣхать до станка? и онъ вамъ отвѣтитъ: „три мучь да восемь плёсъ“. И эти три мучь да восемь плёсъ едва ли укладешь въ наши 25—30 верстъ. Зимняя дорога здѣсь едва ли не на двѣ трети короче лѣтней, потому что она прокладывается прямо, избѣгая всѣ эти „мучи“ и „плёсы“ и идетъ гдѣ берегомъ, а гдѣ и рѣкою; лѣтомъ же необходимо ѣхать рѣкою и поневолѣ приходится огибать всѣ эти мучи и плёсы, а потому вмѣсто ста саженъ и ѣдешь пять или шесть верстъ. Гдѣ зимнею

дорогою считается десять верстъ, тамъ водою лѣтомъ непремѣнно проѣдешь сорокъ пять верстъ.

Всю дорогу опять моросилъ мелкій дождикъ и дулъ навстрѣчу съ юго-запада сильный вѣтеръ. Около трехъ часовъ по полудни стало облачно, дождь перестал и выглянуло солнышко. Ямщики утомились и стали пріискивать мѣсто гдѣ-нибудь на песочкѣ, чтобы сварить чай, или обѣдъ; но песочка нигдѣ не было видно. Весь прибрежный тальникъ былъ въ водѣ аршина на полтора и болѣе, поэтому заботу о желудкѣ необходимо было отложить до отысканія удобнаго мѣста. Наконецъ часовъ около семи нашли мы одинъ песочекъ за вѣтромъ, гдѣ дѣйствительно можно было напиться чаю и приготовить уже ужинъ, а не обѣдъ. Колумбъ, завидя Америку, я думаю, не болѣе нашего радовался, когда мы завидѣли этотъ песокъ. Подъѣхавши къ нему, причалили и вышли на берегъ. Гребцы тотчасъ же принялись собирать костеръ и раскладывать огонь, чтобы приготовить чай и сварить ужинъ, а я принялся ходить взадъ и впередъ по этому песочку. Нужно было расправить свои члены, недвижимое лежанье въ лодкѣ ужасно надоѣло мнѣ, тѣмъ болѣе, что въ ней сидѣть даже было невозможно. Съ какимъ наслажденіемъ мы напились чаю, поужинали и посидѣли на песочкѣ до заката солнца. Когда солнце уже сѣло, мы поѣхали дальше, предполагая, что какъ нибудь къ полуночи доберемся до Чижапки, но въ Усть-Чижапку мы попали уже съ восходомъ солнца. Ночь была до десяти часовъ ясная, звѣзды блистали на небѣ, но къ одиннадцати часамъ небо опять затянуло тучами, на рѣкѣ отъ прибрежныхъ тальниковъ стало совсѣмъ темно. Надобно было ѣхать очень осторожно, чтобы не набѣжать на какое нибудь плывущее дерево, или пень, такъ какъ при высокой водѣ и сильной быстринѣ, по Васюгану плыло множество валежнику. А тѣмъ болѣе быстрина Васюгана еще увеличилась отъ впаденія въ него рѣчки Чижапки, которая своею водою и быстриною увеличила почти вдвое быстроту теченія Васюгана.

6-го августа съ восходомъ солнца мы попали въ Усть-Чижапку. На лѣвомъ берегу теченія Васюгана расположены четыре балагана изъ берестяныхъ тисокъ и въ нихъ теперь живутъ всѣ

жители. Это лѣтнія юрты, а зимнія расположены напротивъ, при впаденіи Чижанки въ Васюганъ, на лѣвомъ берегу Чижанки. Тамъ три плохонькія избушки и одна землянка (карамо). Въ нихъ теперь никто не живетъ, а оставшіеся дома инородцы живутъ въ лѣтнихъ юртахъ. Застали мы уже ихъ всѣхъ вставшими, за утреннимъ чаемъ. Пока мои гребцы приготовляли чай и завтракъ, я заинтересовался тутъ работою одной женщины. Она сшивала мѣхъ изъ бѣличьихъ лапокъ. И переднія и заднія бѣличьи лапки сшивались на ремешекъ изъ оленьей шкуры, а потомъ эти ремешки сшиваются вмѣстѣ, изъ нихъ выходитъ мѣхъ очень красивый и довольно прочный. Не видавши, никакъ нельзя узнать съ какого звѣря этотъ мѣхъ. Только работа очень медленная. Такіе же мѣха собираютъ здѣшнія инородки изъ оленьихъ ушковъ, изъ лапокъ колонка, соболя, изъ собольихъ ушковъ и даже бѣличьихъ хвостовъ. Мѣха эти, нашитые на оленьихъ ремешкахъ, довольно прочны, красивы и продаются не слишкомъ дорого. Впрочемъ они болѣе шьются для домашняго употребленія и купить ихъ можно только при случаѣ, когда инородцу необходимы деньги. Разумѣется, они понимаютъ восколько трудовъ обходится эта работа, и принимаютъ во вниманіе, сколько нужно напримѣръ употребить лапокъ бѣлки, чтобы собрать изъ нихъ полный мѣхъ, или одѣяло. Одѣяло изъ оленьихъ и лосиныхъ ушковъ можно купить за 8 рублей, такой же мѣхъ изъ собольихъ ушковъ уже продается не дешевле 40 рублей, изъ бѣличьихъ хвостовъ отъ 13 до 18 руб., а изъ лапокъ соболя и колонки отъ 45 до 50 руб., такъ какъ эти звѣрки нынѣ попадаютъ въ Васюганской тундрѣ очень рѣдко.

Здѣсь въ берестяныхъ юртахъ совершенно негдѣ было остановиться. Эти балаганы изъ тисокъ, закрытые сверху только до половины для прохода дыму, почти не даютъ никакой защиты отъ дождя и вѣтра, а дымъ отъ огня, разложеннаго посрединѣ, ходитъ кругомъ, выѣдаетъ глаза и не дозволяетъ дышать свободно. Приходилось поневолѣ ѣхать до Каргальдаевыхъ юртъ, куда отъ Усть-Чижапки считается верстъ до пятидесяти. Моимъ гребцамъ необходимъ былъ отдыхъ, потому что они были въ работѣ весь вчерашній день и эту ночь напролетъ. Поэтому я приговорилъ

одного инородца съ женою довести насъ до юртъ Каргальдаевыхъ съ тѣмъ, чтобы, когда они двое устанутъ, то ихъ могли бы замѣнить мои люди, которые къ тому времени могутъ отдохнуть и выспаться. Между тѣмъ сталъ накрапывать дождь и мы тотчасъ же послѣ чаю пообѣдали и отправились въ путь. Люди мои отдыхали въ кормовой части лодки, а инородецъ сѣлъ въ корму, посадивъ жену въ гребь. Хотя и моросилъ дождикъ, но мы ѣхали часовъ до двухъ сначала старицею Васюгана, такъ какъ по ней почти нѣтъ быстрины, а Васюганомъ очень быстро, хотя ѣзда старицею будетъ дальше верстъ на восемь, но за то легче гребцамъ. Тутъ почти на всемъ пространствѣ по обѣ стороны старицы Васюгана находится множество мелкихъ озеръ, но они всѣ теперь сплошь покрыты разливомъ Васюгана отъ ненастья и частыхъ проливныхъ съ самой весны дождей. Всѣ сора и озера затоплены и рыбнаго промысла, которымъ прежде существовали Васюганскіе инородцы, нынѣшнее лѣто нисколько нѣтъ. Рыба изъ Васюгана вся разошлась по сорамъ и по разливу гуляетъ спокойно въ травѣ, гдѣ её не поймаешь никакой ловушкою.

Часовъ около двухъ по полудни, когда мы проѣхали старицу и въѣхали опять въ Васюганъ, инородцы-ямщики уже притомились и стали жаловаться мнѣ, что они очень проголодались. Нечего дѣлать, я разбудилъ своихъ гребцовъ и приказалъ готовить чай и обѣдъ, тѣмъ болѣе, что къ этому времени и дождикъ перестал. Пристали къ высокому берегу, покрытому густымъ тальникомъ, кое гдѣ нашли немножко сносную полянку, тутъ напились чаю и пообѣдали, а затѣмъ одинъ изъ моихъ гребцовъ сѣлъ въ корму, другіе съ инородцемъ сѣли въ три греби, инородку же отправили въ кормовую часть лодки на отдыхъ и отправились далѣе. Верстахъ въ восьми, не доѣзжая юртъ Каргальдаевыхъ, въ правый берегъ Васюгана по его теченію вдается чворъ. Это небольшая широкая рѣчка, устье которой весною инородцы запираютъ запоромъ и тутъ все лѣто и зиму промышляютъ рыбу. Хотя этотъ чворъ съ весны нынѣшняго года и запертъ, но какъ вода стоитъ въ рѣкѣ выше запора, то въ немъ теперь рыбы нѣтъ. По высокой водѣ ей свободно можно и входить и выходить

изъ запора. Часамъ къ 10 вечера, когда уже стемнѣло, мы прiѣхали въ юрты Каргальдàевы. Это до-нельзя бѣдныя и неопрятныя двѣ избушки и съ ними же вмѣстѣ два лѣтнихъ берестяныхъ балагана. Напившись на берегу чаю, такъ какъ дождикъ уже перестал, и тутъ же поужинавши и накормивъ нашихъ нанятыхъ гребцовъ, мы отпустили ихъ и заснули въ лодкѣ до утра.

Утромъ 7-го августа встали на разсвѣтѣ. День былъ пасмурный, моросилъ дождь. Напившись только чаю, мы отправились въ путь, предполагая къ обѣду доѣхать до лѣтнихъ Варганàнжиныхъ юртъ. На лѣвомъ берегу Васюгана по теченiю, верстахъ въ десяти выше Каргальдаевыхъ юртъ, находится высокiй, саженъ до шести, не очень крутой берегъ бѣлаго песку и идетъ на протяженiи болѣе пяти верстъ. По бѣлизнѣ песку онъ называется бѣлымъ яромъ. Песокъ въ немъ немного смѣшанъ съ известью, но известковыхъ горъ здѣсь невидать нигдѣ. Здѣсь по бѣлому яру вверху мѣсто боровое и водится много глухарей, которыхъ мѣстные инородцы ловятъ петлями и продаютъ желающимъ отъ 7 до 8 коп. за штуку.

Около полудня доѣхали до лѣтнихъ Варгананжиныхъ юртъ. Это четыре лѣтнiя, не на моху срубленныя избушки, даже безъ чуваловъ, негдѣ и обогрѣться. Сами жители грѣются вокругъ разведеннаго между избушками огня. И здѣсь мы не могли найти свѣжей рыбы по причинѣ многоводья Васюгана, пришлось довольствоваться опять чаемъ и солониною. Инородцы же съѣли даже всю свою, съ весны сушеную рыбу; ждутъ казенной барки съ хлѣбомъ, но она что-то запоздала и не везетъ хлѣба, а здѣсь уже наступаетъ совершенный голодъ. Тутъ мы услышали, что въ зимнихъ Варганàнжиныхъ юртахъ всѣ люди разъѣхались по покосамъ и юрты совершенно пусты. Пообѣдавъ, мы поѣхали далѣе. Верстахъ въ трехъ вверхъ отъ лѣтнихъ юртъ, съ лѣвой руки впадаетъ въ Васюганъ рѣчка Варганàнжинка, а потомъ, не доѣзжая верстъ двухъ до зимнихъ юртъ, съ правой уже руки впадаетъ рѣчка Патáй. Въ зимнихъ юртахъ около девяти избушекъ, но всѣ онѣ пусты и окна закрыты, но за то отъ самыхъ лѣтнихъ юртъ вверхъ по обѣ стороны Васюгана мѣшаный лѣсъ и въ немъ въ

прогалинахъ покосы, и почти на каждой верстѣ до самой Усть-Нюрольки видишъ у берега, гдѣ три, гдѣ два, гдѣ и одинъ обласокъ, и чуткія собаки съ берега встрѣчаютъ громкимъ лаемъ нашу лодку. Это семьи инородцевъ косятъ и ставятъ сѣно и пріѣхали тутъ вмѣстѣ съ своими ребятишками, оставивъ юрты совсѣмъ пустыми. Почти къ полуночи мы добрались до Усть-Нюрольскихъ юртъ. Юрты расположены въ самой рѣчкѣ Нюролькѣ и состоятъ изъ трехъ такихъ же жалкихъ лачужекъ, какія мы видѣли почти во всѣхъ юртахъ, съ дымными чувалами, грязью, копотью и въ добавокъ со сквознымъ вѣтромъ. Пришлось, напившись на берегу чаю, завалиться опять въ лодку и соснуть до утра.

Недалеко отъ устья Нюрольки на сѣверо-востокъ, верстахъ въ 25-ти есть озеро Кыгыльтуры, оно около пятнадцати верстъ длины и до восьми ширины, въ немъ водится много рыбы и въ лѣтнюю пору тутъ пріѣзжаютъ нѣсколько инородцевъ съ своими семьями, располагаютъ по берегу его свои лѣтнія берестянныя жилища и промышляютъ рыбу. Близь него находятся два маленькія безъимянныя озера, въ которыхъ водятся только караси. Рано утромъ, взявъ изъ юртъ проводника, я отправился осмотрѣть эти озера. Они лежатъ въ хвойномъ лѣсу, какъ бы на полянѣ. На берегу Кыгыльтуры расположились своими лѣтними жилищами до четырехъ семей инородцевъ, но жалуются на то, что добычи рыбы почти совсѣмъ нѣтъ. Добываютъ только, чтобы сварить и тотчасъ же съѣсть. Часамъ къ 4-мъ вечера мы воротились въ Усть-Нюрольку, пообѣдали и отправились далѣе въ юрты Солагичи. Верстахъ въ десяти вверхъ отъ устья Нюрольки, съ лѣвой стороны впадаетъ въ Васюганъ рѣчка Юга-юганъ, а за нею недалеко повыше на правомъ берегу Васюгана идутъ верстъ на пять скалы изъ ила, смѣшаннаго съ красною глиною. Эти скалы называются краснымъ яромъ. На верху яра по берегу, по мѣшаному лѣсу идетъ узкое болото верстъ на пять длины, тутъ родится много клюквы и водится много болотной птицы, которыя добываются инородцами. Птица идетъ для домашняго употребленія, а клюква продается торговцамъ, заѣзжающимъ въ Васюганъ. Около 10 час.

вечера мы пріѣхали въ юрты Солагичи и, поужинавъ, ночевали на берегу въ лодкѣ.

Юрты Солагичи основались около тридцати лѣтъ назадъ, т. е. около начала 50-хъ годовъ и получили свое названіе отъ васюганскаго инородческаго слова „сóлонкóль", что значитъ ложь, или враньё. Дѣдъ нынѣшнихъ жителей, Николай Тейкинъ, проживалъ до 1850 года въ юртахъ Тейкиныхъ и ужасно любилъ врать или хвастать. Сынъ его Яковъ тоже перенялъ эту способность у отца. Когда же Николай съ Яковомъ и четырьмя внуками переселился изъ Тейкиныхъ юртъ на это мѣсто и основалъ новыя юрты, то эти юрты окрестными жителями и были названы, по его способности врать, Сóлагичáми. Да и настоящіе-то жители тоже не отстали отъ дѣда и они всѣ любятъ врать и хвастать. Юрты Солагичи состоятъ изъ двухъ бѣдныхъ избушекъ съ чувалами, на лѣвомъ берегу Васюгана. Утромъ 9-го августа, около семи часовъ, мы выѣхали изъ Солагичей въ юрты Тейкины; дождикъ моросилъ опять по осеннему и мы едва къ полудню добрались до Тейкиныхъ и, тутъ на берегу пообѣдавъ, отправились далѣе въ село Васюганъ. Въ Тейкиныхъ юртахъ одна избушка на правомъ берегу Васюгана. До села Васюгана зимнимъ путемъ здѣсь считается семь верстъ, но лѣтнимъ, отъѣхавъ отъ Тейкиныхъ рѣкою верстъ пятнадцать, надобно своротить вправо и ѣхать такъ называемымъ „мучемъ" еще верстъ около тридцати, а потомъ, подъѣхавъ опять къ началу этого „муча", еще верстъ семь ѣхать до села Васюгана. До начала „муча" въ Васюганъ впадаетъ съ лѣвой стороны рѣчка Погóшина, да еще въ самомъ мучѣ рѣчка Югаёгонъ—съ лѣвой же стороны. Въ село Васюганъ пріѣхали мы уже 10-го августа при восходѣ солнца и остановились у священника отца Петра Краснова, который принялъ насъ радушно и просилъ отдохнуть у него день или два. Слова нѣтъ, и для меня пріятно было послѣ пятнадцати-дневнаго путешествія въ лодкѣ, въ лежачемъ положеніи и остановокъ въ дымныхъ избахъ и берестяныхъ балаганахъ на вѣтру и дождѣ, провести хотя два дня въ настоящей комнатѣ.

Село Васюганъ расположено на лѣвомъ, высокомъ берегу рѣки

Васюгана, съ котораго видѣнъ прелестный ландшафтъ всей низменности праваго берега, съ его островками, сѣнными лугами, березовыми и мѣшаными пролѣсками. Село состоитъ изъ церкви, дома священника, псаломщика и вахтера, изъ запаснаго казеннаго хлѣбнаго магазина и четырехъ инородческихъ избушекъ, выстроенныхъ на русскій манеръ съ печами, а не чувалами. Казенный домъ вахтера и общественные дома священника и псаломщика довольно уже вѣтхи, имѣютъ только по двѣ комнаты съ кухнями, крыши на нихъ при порядочномъ дождѣ протекаютъ, въ стѣнахъ вездѣ щели и вѣтру есть гдѣ разгуляться на просторѣ. Хлѣбный магазинъ имѣетъ тѣ же самые недостатки и еще главный недостатокъ его состоитъ въ томъ, что онъ совершенно пустой, хлѣба въ немъ нѣтъ ни фунта при настоящемъ голодѣ жителей Васюгана и по неимѣнію промысла рыбы, по случаю многоводья Васюгана.

Два дня, 10 и 11-го августа, я пробылъ въ селѣ Васюганѣ, такъ какъ надобно было изготовить запасы бѣлаго и чернаго хлѣба, которые у насъ уже истощились. 10-го числа день былъ облачный и свѣтито солнце. Около трехъ часовъ по полудни священникъ и церковный староста вызвали меня прогуляться на Шайтанскій мысъ, желая показать мнѣ достопримѣчательности села Васюгана. Этотъ мысъ находится на разстояніи не болѣе двухъ верстъ отъ села и о немъ сохранилось преданіе, что это одинъ богатырь, превращенный въ камень. Этотъ богатырь, имя его неизвѣстно, проживалъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится мысъ. Во время своихъ путешествій богатырь гдѣ-то, близь Тыма познакомился съ одною прислужницею-дѣвушкою (аймu), состоявшею при одной изъ солнцевыхъ дочерей и полюбилъ ее, также и она полюбила его взаимно. Когда эта прислужница (аймu) созналась ему, что и она взаимно любитъ его, тогда богатырь рѣшился увезти ее съ собою къ себѣ въ жены. Однажды ночью, тайно отъ солнцевой дочери онъ сѣлъ съ дѣвушкою на своего богатырскаго коня, который перепрыгивалъ рѣки, какъ ручейки, взбирался легче оленя на всякую гору и никогда не зналъ устатку, и направился въ путь. Между тѣмъ этого богатыря страстно по-

любила сама солнцева дочь, у которой находилась въ услуженіи эта, увезенная богатыремъ, дѣвушка. Замѣчая взаимную любовь своей прислужницы (айми) и богатыря, солнцева дочь однако немогла причинить ей никакого вреда, потому что на дѣвушкѣ постоянно было очарованное ожерелье изъ красныхъ стеклянныхъ бусъ, охранявшее ее отъ всякаго вреда и бѣды. Когда по утру солнцева дочь узнала, что ея айми—прислужница убѣжала въ ночь съ богатыремъ, котораго полюбила и сама солнцева дочь, тогда она обратившись въ лебедя, полетѣла въ погоню за бѣглецами. Богатырскій конь несъ своего господина съ невѣстою чрезъ рѣки, озера, горы и лѣса, не зная преграды, и находился недалеко уже отъ своего жилища, а солнцева дочь подъ видомъ лебедя слѣдовала за нимъ. Вдругъ нить, на которой были снизаны бусы очарованнаго ожерелья, порвалась и бусы разсыпались. Одно изъ зеренъ ожерелья запуталось въ гривѣ коня, другое же въ черныхъ густыхъ волосахъ невѣсты. Богатырь же, не имѣя у себя зерна бусъ этого ожерелья, тотчасъ же упалъ съ коня и превратился въ огромный камень, а конь съ дѣвицею помчались далѣе по лѣвому берегу Васюгана вверхъ, перепрыгивая рѣчки и другія преграды. За рѣчкою Лаптыягомъ богатырскій конь перепрыгнулъ Васюганъ, спасаясь отъ преслѣдованія солнцевой дочери, а въ это самое время прыжка и послѣднія зерна очарованнаго ожерелья упали въ воду и болѣе защиты не было. Конь перепрыгнулъ Васюганъ съ лѣваго берега на правый и врѣзался между скалами и вмѣстѣ съ бѣглянкою превращенъ былъ въ двѣ скалы. И понынѣ между юртами Тимольгиными и Айполовыми, какъ разъ на половинѣ, на правомъ берегу Васюгана, показываютъ нѣсколько скалъ и одна изъ нихъ называется „Кохъ-пѣда“, т. е. конь камень, а другая рядомъ съ нею: „Оги-кохъ“, дѣвица камень.

Вѣка прошли, поэтическое преданіе объ окаменѣломъ богатырѣ сохранилось между инородцами, а между тѣмъ время, этотъ неустанный работникъ, дѣлало свое дѣло. Оно въ теченіи, можетъ быть, нѣсколькихъ столѣтій засыпало этого богатыря пескомъ и иломъ, воздвигло надъ нимъ цѣлую гору, усѣяло ее столѣтними деревьями и у подножія этой горы проложило русло рѣчки Ва-

рынъ-ёгопъ, которая у самой горы впадаетъ въ Васюганъ и образуетъ Шайтанскій мысъ своимъ крутымъ лѣвымъ берегомъ и крутизною берега Васюгана. Шайтанскимъ мысомъ эта гора названа, потому что въ прежное время на ней обитали нечистые духи, по васюгански „юнгъ", по обски— лозъ, которымъ все-ткаи всѣ инородцы, уже незнаю почему, даютъ иногда татарское названіе „шайтанъ". Здѣсь и въ настоящее время не далѣе одной версты отъ села есть слѣды древняго поклоненія „юнгамъ". Священникъ и староста показывали мнѣ одно завѣтное дерево, ель, называемое „юнкиюхъ", посвященное здѣшнимъ духамъ, на вѣтвяхъ котораго, какъ и у нашихъ обскихъ инородцевъ, навѣшано множество подарковъ духамъ: ленточекъ, тесемокъ, тряпичекъ, большею частію краснаго цвѣта, звѣриныхъ шкурокъ, по нѣскольку аршинъ ситцу и другихъ недорогихъ матерій. Здѣшніе инородцы жалуются, что съ того времени, какъ въ Васюганъ стали наѣзжать торговцы изъ Нарыма, въ особенности въ лѣтнее время на каюкахъ съ товарами, то набираемые ими для сплава каюковъ, ссыльные, узнавъ подобныя деревья, гдѣ приносятся „юнгамъ" подарки и даже деньги, приходятъ ночью тайно къ этимъ деревьямъ и, не боясь мщенія „юнговъ", обираютъ приносимые имъ дары и даже деньги, влагаемыя въ щели корней этихъ деревьевъ. На этомъ же деревѣ, о которомъ я сейчасъ говорилъ, на Шайтанскомъ мысу виднѣе всѣхъ подарковъ духамъ выдается восемь аршинъ ситцу, привѣшанные осенью 1881 г. вахтеромъ Васюганскаго хлѣбнаго магазина, казакомъ Александромъ Соснинымъ. Въ 1881 г. всю весну и лѣто онъ страдалъ лихорадкою. Медицина немогла дать ему помощи, такъ какъ онъ не хотѣлъ содержать діэты, а потому онъ и обратился за совѣтомъ противъ своей болѣзни къ извѣстному въ Васюганѣ ворожецу, или шаману, „елъ коссѐ", и тотъ присовѣтовалъ ему повѣсить этотъ даръ духамъ на этомъ деревѣ. Вахтеръ Соснинъ привѣсилъ къ дереву свой подарокъ и съ тѣхъ поръ лихорадка бросила его.

Другая замѣчательная особенность Шайтанскаго мыса есть лиственница, обхвата въ три толщиною, стоящая почти на самомъ склонѣ горы. На нижнихъ вѣтвяхъ ея, вокругъ ствола прежде

былъ настланъ полъ и сдѣлано на немъ, что-то въ родѣ небольшаго амбарчика, гдѣ находился истуканъ духа, сдѣланный изъ дерева и одѣтый въ рубашку изъ оленьихъ шкуръ. Къ нему было множество приношеній отъ окрестныхъ инородцевъ, но съ годъ тому назадъ этотъ амбарчикъ вмѣстѣ съ истуканомъ былъ перенесенъ на другое, неизвѣстное мѣсто, именно по той причинѣ, что ссыльные сплавщики каюковъ торговцевъ, также узнали о существованіи этого амбарчика, стали навѣщать его въ ночную пору и уносить съ собою приношенія духамъ. Нынѣ на этой лиственницѣ остался полъ одинъ на настилкѣ, а самый амбаръ съ истуканомъ перенесенъ куда-то въ другое мѣсто.

На другой день гребцамъ моимъ нужно было исправить лодку, крыша которой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ протекала, и изготовить запасъ свѣжаго бѣлаго и чернаго хлѣба, такъ какъ до Айполовыхъ юртъ, на разстояніи почти 900 верстъ, рѣшительно негдѣ достать свѣжаго хлѣба. Тамъ же, въ Айполовыхъ юртахъ, при домѣ тарскаго торговца Өедора Мефодіева Алѣксѣева имѣется амбаръ съ мукой и оставленъ при домѣ приказчикъ, жена котораго могла приготовить намъ для запаса хлѣба и чернаго, и бѣлаго не по-остяцки, а по-русски. Къ одиннадцати часамъ до полудня 12-го августа и лодка была починена, и запасы изготовлены, и мы, напутствуемые благословеніемъ священника, отправились въ путь. День былъ морочный и моросилъ осенній дождикъ. До юртъ Кильсиныхъ отъ села Васюгана хотя и считается тридцать верстъ, но извилинами и мучами Васюгана будетъ болѣе пятидесяти. Часамъ къ 7-ми вечера мы остановились на одномъ выдавшемся изъ воды песочкѣ, сварили чай и ужинъ и, поѣвши, поѣхали далѣе. Ночью пошелъ сильный дождь, темно, пристать некуда и едва на разсвѣтѣ 13-го августа мы попали въ юрты Кильсины. Юрты состоятъ изъ одной бѣдной избушки на лѣвомъ крутомъ берегу и даже безъ чувала, а съ очагомъ посрединѣ избы, гдѣ разводится и огонь. Въ этой избушкѣ помѣщается одна семья инородцевъ, состоящая изъ четырехъ взрослыхъ и четырехъ малолѣтковъ. Здѣсь, напившись чаю, я нанялъ старика съ двумя подростками 13 и 14 лѣтъ, довезти насъ до слѣдующихъ Пеныр-

скихъ юртъ. Моимъ гребцамъ надо было отдохнуть, они были безъ сна и гребли всю ночь подъ сильнымъ дождемъ. Когда мои люди обсушили платье и обогрѣлись, старикъ инородецъ, посадивъ своихъ двухъ сыновей въ греби, сѣлъ въ корму и мы пустились далѣе. Въ двухъ верстахъ повыше Кильсиныхъ юртъ съ лѣвой руки впадаетъ въ Васюганъ рѣчка Мемкакануры, идущая изъ болотной тундры Сургутскаго округа, Тобольской губерніи, а далѣе верстъ черезъ семь съ правой стороны впадаетъ въ Васюганъ рѣчка Ынȧлынъ-игȧй однимъ устьемъ. Другое же устье этой дальней рѣчки впадаетъ уже вблизи Калкынȧцкихъ юртъ, а близь Пенырскихъ юртъ съ правой же руки теченія впадаетъ въ Васюганъ маленькая безъимянная рѣчка, гдѣ зимою жители Пенырскихъ юртъ ловятъ рыбу. Въ устье этой рѣчки они ставятъ морды, а когда рѣчка замерзнетъ и ледъ покроется снѣгомъ, то жители отправляются въ вершину рѣчки и топчатъ снѣгъ на льду. Этимъ топтаньемъ и своею тяжестью они отдавливаютъ ледъ и рыба бросается внизъ по рѣчкѣ къ устью и попадаетъ въ морды.

Въ сумеркахъ уже добрались мы до Пѐнырскихъ юртъ, но онѣ были совершенно пусты, всѣ жители были на покосахъ, а гдѣ ихъ искать? На правомъ берегу Васюгана пять маленькихъ избушекъ и всѣ онѣ заперты. Это и есть Пенырскія юрты. Мы рѣшились напиться на берегу чаю и поужинать, потомъ отпустить нанятыхъ инородцевъ и пуститься въ путь до юртъ Калкынака. Развели костеръ огня, напились чаю подъ открытымъ небомъ потому что дождикъ пересталъ. Поужинавъ по-остяцки прямо изъ котла и разсчитавшись съ остяками, которыхъ также покормили съ собою, мы отправились дальше въ путь, хотя ночь была пасмурна и темна.

Проѣхавъ версты двѣ, мы добрались до устья рѣчки Альтимъ-игȧй, которая впадаетъ въ Васюганъ съ лѣвой стороны. Эта рѣчка вытекаетъ изъ озера еще въ Тобольской губерніи и въ вершинѣ по выходѣ изъ озера, принимаетъ въ себя три рѣчки, а потому устье ея довольно широко и вода въ ней течетъ быстро. По быстринѣ Васюгана плыло множество валежнику и при ночной темнотѣ очень легко было наткнуться лодкою на какую нибудь карягу и даже

пробить дно лодки; поэтому мы ѣхали тихо и осторожно и только съ разсвѣтомъ 14-го августа добрались до другаго устья рѣчки Ынàлынъ-игàй, а потомъ, проѣхавъ еще около десяти верстъ, пріѣхали въ юрты Калкынакъ около полудня.

Юрты Калкынàкъ состоятъ изъ восьми избушекъ такихъ же дымныхъ съ чувалами, какія были и въ прежнихъ юртахъ. Всѣ вообще жители жалуются на недостатокъ рыбы отъ многоводья Васюгана и на неимѣніе хлѣба, такъ какъ торговцы, наѣзжающіе къ нимъ, пріѣхавъ весною и взявши отъ нихъ зимній промыселъ, дали имъ немного хлѣба въ долгъ, но этотъ хлѣбъ уже вышелъ. Въ настоящее же время въ Васюганскомъ магазинѣ хлѣба нѣтъ нисколько, и хотя въ Айполовскомъ магазинѣ есть еще хлѣба до 600 пудовъ, но этотъ хлѣбъ не выдается имъ вахтеромъ, такъ какъ онъ завѣдываетъ и Васюганскимъ и Айполовскимъ магазинами и ѣхать въ Айполовы юрты для выдачи хлѣба ему лѣнь, а отъ этого при неимѣніи лова рыбы имъ угрожаетъ голодная смерть.

Съ полудня небо прояснѣло и къ закату солнца 14-го августа мы выѣхали изъ Калкынàка. Отъѣхавъ версты полторы, мы увидѣли два устья рѣчекъ, какъ разъ одно противъ другаго. Это впадаютъ въ Васюганъ съ лѣвой стороны рѣчка Калкынàкъ, а съ правой Ярыкумбагъ. Къ сумеркамъ небо опять заволокло тучами и сталъ накрапывать дождь. Часамъ къ десяти дождь пошелъ сильный. Спастись отъ него, или пристать къ берегу рѣшительно негдѣ, весь тальникъ затопленъ водою аршина на полтора. Пришлось ѣхать подъ проливныхъ дождемъ до самаго разсвѣта. На свѣту уже мы доѣхали до устья рѣчки Мàкынъ-Яга, впадающей въ Васюганъ съ лѣвой стороны, а потомъ часамъ къ семи утра 15-го августа доѣхали до юртъ Мàдуковыхъ. Утро было холодное. Мои гребцы положительно замерзли, дождь промочилъ ихъ до костей и они стучали зубами, какъ въ лихорадкѣ. Надобно было обсушить имъ платье и отдохнуть самимъ. Въ дымной избѣ возлѣ чувала расположились мы сушиться и грѣться. Юрты Мадуковы расположены на лѣвомъ высокомъ берегу Васюгана и состоятъ изъ трехъ избушекъ. Здѣсь мы напились чаю и приготовили обѣдъ. Когда пообѣдали и платье моихъ гребцовъ высохло, я от-

правилъ ихъ на отдыхъ въ кормовую часть лодки и напялъ двухъ остяковъ и женщину довезти насъ до Кȁдыльскихъ юртъ и около полудня поѣхали далѣе.

На разстояніи 15-ти верстъ отъ юртъ Мȁдуковыхъ вверхъ съ лѣвой стороны впадаетъ въ Васюганъ рѣчка Юнгъ-ȁльджи-ури, и далѣе почти на такихъ же разстояніяхъ еще впадаютъ въ Васюганъ съ той же лѣвой стороны двѣ лѣсныя небольшія рѣчки Емынъ-югȁнъ (черемуховая рѣчка), и Вȁлинъ-югȁнъ. Къ вечеру проѣхали половину разстоянія до Кадыльскихъ юртъ. Здѣсь на правомъ берегу Васюгана между нѣсколькими береговыми, песчаными скалами возвышается одна, сажень на пятнадцать и болѣе надъ поверхностію Васюгана, называемая „Сындакую“. На одномъ изъ верхнихъ уступовъ ея видѣнъ входъ въ древнее карамо́, устроенное однимъ бывшимъ въ древности здѣсь шаманомъ, по имени Сындакую, отъ котораго и гора получила свое названіе. Онъ жилъ въ этомъ карамо́, и при жизни его по ночамъ, проѣзжающіе по рѣкѣ, люди слыхивали, какъ онъ билъ въ свой бубенъ и громко сзывалъ къ себѣ своихъ юнговъ (духовъ). Многіе инородцы приходили къ нему сюда за совѣтами для излеченія болѣзней и приносили ему богатые подарки. Шаманъ этотъ жилъ болѣе полутораста лѣтъ и былъ совершенно сѣдой, жилъ онъ одинъ и никому неизвѣстно, чѣмъ онъ питался. Послѣ его смерти не нашли его тѣла, между тѣмъ одежды его и бубенъ, по разсказамъ инородцевъ, и до сихъ поръ находятся въ этомъ карамо́. Желательно было мнѣ сходить на эту гору и осмотрѣть карамо́, одежды и бубенъ шамана, но наступала ночь, поэтому осмотръ этой горы и карамо̀ я отложилъ до обратнаго пути. Проѣхавъ рѣчку Емынъ-югȁнъ, мы остановились на лѣвомъ берегу Васюгана и, выбравъ удобное мѣстечко, напились чаю и поужинали, а потомъ поѣхали далѣе. Мои отдохнувшіе гребцы пособляли посмѣнно напятымъ и къ утру 16-го августа мы добрались до Кȁдыльскихъ юртъ.

Юрты расположены на правомъ берегу Васюгана и состоятъ изъ четырехъ избушекъ съ чувалами. Противъ юртъ, немного повыше впадаетъ въ Васюганъ рѣчка Кȁдылька, въ верховьи своемъ состоящая изъ двухъ рѣчекъ Большой и Малой Кȁдыльки. Утро

было пасмурное, моросилъ осенній дождикъ, сильный юго-западный вѣтеръ пронизывалъ насквозь даже шубы. Здѣсь въ одной избушкѣ согрѣли чай, сварили въ котлѣ мяса и, закусивъ, отправились дальше въ юрты Тимольгины. Часамъ къ двумъ по полудни мы пріѣхали къ лѣтнему становищу остяковъ, гдѣ они ловятъ рыбу. Тутъ на берегу расположены четыре берестяные балагана и живутъ четыре семьи остяковъ, но промысла, по случаю ненастья и многоводья Васюгана, почти нѣтъ. Впрочемъ предъ нашимъ пріѣздомъ сюда одинъ изъ остяковъ поймалъ до десятка щукъ. Я поторговался съ нимъ и онъ уступилъ мнѣ пару полутора-аршинныхъ щукъ за два печеные хлѣба. Тотчасъ же мы сварили этихъ щукъ и поѣли съ апетитомъ. Соленое мясо уже надоѣло и оно ѣлось только за неимѣніемъ другой пищи. Потомъ сѣли въ лодку и поплыли далѣе, а часамъ къ одиннадцати ночи пріѣхали въ юрты Тимольгины. Здѣсь, прикрѣпивъ лодку къ берегу, залегли спать въ лодкѣ до утра.

Утромъ 17-го августа мы проснулись на разсвѣтѣ и я послалъ своихъ гребцовъ будить кого либо изъ юрточныхъ жителей, и развести огонь въ чувалѣ, чтобы погрѣться. Ночь была довольно холодная, рѣзкій сквозной вѣтеръ пробиралъ даже подъ шубою, а утренній воздухъ влажный отъ моросившаго всю ночь дождя, невольно бросалъ въ дрожь. Когда разбудили остяковъ и развели огонь въ чувалѣ, я вышелъ изъ лодки и пошелъ въ избу погрѣться къ разведенному огню. Юрты состоятъ изъ четырехъ избушекъ съ чувалами и одной избы крестьянина изъ Тары, служителя тарскаго торговца Федора Алексѣева. Впрочемъ, хозяева этой избы уѣхали на страду въ Тару, они живутъ здѣсь временно и изба стоитъ запертою. Пока готовился чай и обѣдъ, я разговорился съ хозяиномъ избы о томъ, почему они не кладутъ въ своихъ избахъ русскихъ печей, отъ которыхъ бываетъ тепло на цѣлыя сутки и нѣтъ такого ѣдучаго дыма, какъ отъ ихъ доморощенныхъ чуваловъ, которые хороши только въ землянкахъ, или карамàхъ? На это онъ отвѣтилъ мнѣ, что едва-ли когда нибудь даже и внуки ихъ заведутъ въ своихъ домахъ русскія печи. По старинымъ вѣрованіямъ остяковъ, солнце и огонь есть двѣ до-

чери Бога, и Отецъ послалъ ихъ на землю, чтобы освѣщать и согрѣвать жителей земли. Огонь въ чувалѣ, это по ихъ мнѣнію какое-то священнодѣйствіе и никто изъ остяковъ не смѣетъ бросить въ чувалъ избной соръ, или что-нибудь нечистое. При первоначальномъ установленіи чувала въ избѣ, когда изготовленъ для него очагъ и въ первый разъ раскладывается въ немъ огонь, тогда хозяйка дома должна бросить въ этотъ первый разведенный огонь нѣсколько красныхъ лоскутковъ, чтобы присутствующая невидимо въ чувалѣ Божья дочь хранила бы домъ отъ пожара. Въ случаѣ же лѣснаго пожара остяки берутъ семь аршинъ ситцу, непремѣнно краснаго цвѣта, на двухъ лучинкахъ выносятъ его изъ юртъ навстрѣчу огню и съ низкимъ поклономъ кладутъ его на землю, чтобы огонь, принявши отъ нихъ подобную жертву, обошелъ бы мимо ихъ юрты. При этомъ онъ разсказалъ мнѣ слѣдующую легенду. Въ однихъ юртахъ были всего только два дома; и въ нихъ жили двѣ семьи. Хозяйка одного дома вела у себя чистоту, каждый день выметала въ избѣ соръ и выносила его на улицу. Хозяйка же другаго дома была неряшлива, рѣдко подметала въ избѣ, а если когда и случится подмести, то соръ лѣнилась выносить на улицу, а обыкновенно бросала его на очагъ чувала. Однажды, рано утромъ, госпожа чувала изъ неряшливаго дома, въ своемъ красномъ платьѣ, пришла навѣстить свою сосѣдку, невидимую госпожу чувала опрятнаго дома, и въ разговорахъ стала жаловаться на хозяйку своего дома, что она держитъ её (госпожу) въ нечистотѣ и всегда забрасываетъ соромъ. При этомъ она объявила своей сосѣдкѣ, что она намѣревалась минувшую ночь сдѣлать въ неряшливомъ домѣ пожаръ и сожечь его со всѣми хозяевами, но пожалѣла невиннаго младенца изъ опрятняго дома, принесеннаго на нѣсколько дней въ неряшливый домъ, чтобы не сожечь его вмѣстѣ съ неряшливыми хозяевами. На это госпожа чувала опрятнаго дома присовѣтовала ей, сожечь домъ съ хозяевами, только чтобы огонь обошелъ вокругъ того мѣста, гдѣ спитъ этотъ невинный младенецъ и не обжогъ бы его. Послѣ этого посѣщенія, въ слѣдующую ночь сдѣлался въ неряшливомъ домѣ пожаръ и домъ вмѣстѣ съ хозяевами сгорѣлъ до тла, а только и

осталось то мѣсто, гдѣ спалъ невинный младенецъ изъ опрятнаго дома и этого младенца не коснулся огонь, оставивъ его живымъ, здоровымъ и спокойно спящимъ.

Послѣ чаю пообѣдавъ, мы сѣли въ лодку и отправились въ юрты Айполовскіе, до которыхъ отъ Тимольгиныхъ юртъ водою инородцы считаютъ до семидесяти верстъ. Когда мы доѣхали до устья рѣчки Лàнтыяга, впадающей въ Васюганъ съ лѣвой стороны, сталъ опять моросить дождь. Въ этомъ мѣстѣ черезъ весь Васюганъ есть перекатъ, въ родѣ порога, саженъ на пятьдесятъ. Въ малую воду даже каюки протаскиваютъ тутъ волокомъ, а случись поболѣе барка, то тащатъ и воротомъ. Дно на этомъ перекатѣ илистое, а потому дно судна скользитъ по нему, чѣмъ облегчаетъ работу тянущихъ судно людей. Къ вечеру добрались до устья рѣчки Кельвàтъ, которая впадаетъ въ Васюганъ съ лѣвой стороны. Здѣсь устроено лѣтнее становище, три берестяные балагана, и три семьи остяковъ промышляютъ рыбу и ставятъ сѣно для своихъ лошадей. По случаю многоводья Васюгана промыселъ рыбы плохъ, только добываютъ, чтобы сварить и съѣсть. Сѣно же косятъ и ставятъ на высокихъ мѣстахъ и гривкахъ и то на подставкахъ (лабазахъ, какъ они называютъ здѣсь). Скошенную траву просушиваютъ, разбрасывая по верхушкамъ тальника и другихъ небольшихъ деревъ, а когда она высохнетъ, то, подъѣзжая на лодкѣ, собираютъ ее и складываютъ въ маленькіе стога на лабазахъ. Здѣсь мы опять напились чаю и поужинали, гребцы мои обсушили промокшее подъ дождемъ платье и поѣхали далѣе. Рѣчка Кельвàтъ съ вершины своей принимаетъ въ себя слѣва рѣчку Юлъ-югатъ и справа Нянъ-югалъ и еще справа же рѣчку Кéльвасъ-игатъ, которая вытекаетъ изъ озера съ южной стороны. Ночь была пасмурная и моросилъ дождь. Плыть надо было осторожно, чтобы ненаткнуться на какое нибудь плывущее дерево, а потому мы уже со свѣтомъ добрались до рѣчки Айполъ, впадающей въ Васюганъ съ правой стороны. Не доѣзжая еще версты за двѣ до устья ея, въ правомъ берегу Васюгана высятся нѣсколько скалъ, очень крутыхъ надъ берегомъ. Скалы эти песчаныя и о нихъ въ народѣ ходитъ преданіе, что на верху этихъ скалъ былъ нѣкогда

городъ. Неизвѣстно какое названіе носилъ этотъ городъ, но онъ былъ великъ и силенъ тѣмъ, что врагамъ подойти къ нему не было никакой возможности. Съ береговой стороны были сдѣланы рвы, а съ берега подниматься надобно было покрайней мѣрѣ до двадцати саженъ почти отвѣсно. Сами жители города, чтобы спускаться къ рѣкѣ, устроили себѣ лѣстницы изъ нѣсколькихъ десятковъ длинныхъ бревенъ, связавъ ихъ веревками одно отъ другаго по краямъ не далѣе трехъ четвертей аршина. Лѣстница эта, на случай осады, веревками могла подниматься вверхъ на вершину скалы, гдѣ была прикрѣплена къ двумъ врытымъ въ землю столбамъ, и по надобности жителей опускалась по скалѣ до ихъ возвращенія въ городъ. Однажды татары вздумали овладѣть этимъ городомъ, выждали время, когда мужчины-жители города отправились куда-то по берегу и оставили опущенную лѣстницу неподнятою, съ большимъ числомъ войска подобрались къ лѣстницѣ и всею толпою бросились взбираться по ней къ верху. Въ городѣ оставались только однѣ женщины. Услышавъ шумъ внизу, онѣ посмотрѣли и увидѣли, что по лѣстницѣ взбираются къ нимъ враги. Оставалось еще какихъ нибудь минутъ десять и татары взобрались бы въ городъ, но догадливыя женщины обрубили топорами веревки, прикрѣплявшія лѣстницу къ столбамъ, утвержденнымъ на вершинѣ, и всѣ татары вмѣстѣ съ лѣстницею упали внизъ. Много тутъ погибло ихъ перемятыхъ бревнами лѣстницы, а которые спаслись отъ такой гибели, со стыдомъ убѣжали и болѣе уже не осмѣливались приступать къ этому городу. Скалы дѣйствительно, а въ особенности одна, на которой стоялъ городъ, такъ высоки и отвѣсны, что безъ лѣстницъ невозможно взобраться на нихъ. Противъ устья рѣчки Айполъ построенъ на берегу рѣки Васюгана хлѣбный казенный магазинъ, а проѣхавъ еще версты четыре, мы часамъ къ девяти утра пріѣхали въ юрты Айполовскія.

Юрты Айполовскія расположены на лѣвомъ высокомъ берегу Васюгана и состоятъ изъ двадцати избушекъ остяцкихъ. Между ними двѣ церковнаго старосты и его брата отличаются чистотою и имѣютъ въ себѣ русскія печи вмѣсто чуваловъ, а вмѣсто наръ

имѣются столы и крашеныя стулья. Кромѣ того въ юртахъ есть особый домъ и при немъ хлѣбный амбаръ, принадлежащій торгующему крестьянину Тарскаго округа дер. Киштовки Федору Мефодіеву Алексѣеву, который лѣтъ уже около двадцати производитъ торговлю по всему Васюгану хлѣбомъ, крупою и другими, даже красными товарами. Такъ какъ я уже въ селѣ Васюганѣ познакомился съ церковнымъ старостою, но онъ еще оттуда не возвратился въ Айполовы юрты, то я и остановился въ домѣ его брата. Пріятно было остановиться не въ дымной избѣ, а въ чистой комнаткѣ, гдѣ можно было и отдохнуть въ волю. Да и намъ нужно было здѣсь взять въ запасъ печенаго бѣлаго и чернаго хлѣба, запастись и сухарями, потому что далѣе до вершины Васюгана и обратно, рѣшительно негдѣ взять никакихъ запасовъ. Солонина же наша, взятая въ Нарымѣ, тоже истощилась, поэтому слѣдовало запасти, что нибудь и вмѣсто нея, тѣмъ болѣе, что мы уже испытали, что на промыселъ рыбы въ Васюганѣ надѣяться было нельзя, а сушеная рыба, которой въ Айполовыхъ юртахъ достать было и можно, никуда не годилась. Сушеная и вяленая безъ соли, она не имѣла никакого вкуса и была, какъ трава. Сдѣлавъ распоряженіе о заготовленіи всего этого, я принялся распрашивать хозяина о ихъ житьѣ-бытьѣ, о достопримѣчательностяхъ этого края и преданіяхъ старины. Долго вели мы съ нимъ бесѣду. Уже солнце, которое съ полудня выглянуло и порадовало насъ, зашло, небо было ясное и обѣщало на завтра хорошій день. Вечеромъ мои люди доискались у работника торговца Алексѣева свинью и барана, которыхъ я купилъ и предоставилъ имъ зарѣзять и, изрѣзавъ въ куски, опустить въ ту же кадочку въ разсолъ, гдѣ была наша солонина.

Изъ распросовъ, какъ моего хозяина, такъ и другихъ остяковъ, собравшихся вечеромъ въ мою квартиру, я узналъ: 1) что о перекатѣ, или порогѣ, чрезъ рѣку Васюганъ близь устья рѣчки Ла́нтыяга, ходитъ между ними слѣдующее преданіе. Въ старину, въ этомъ мѣстѣ, по обоимъ берегамъ Васюгана, другъ противъ друга, жили два богатыря и что они были ростомъ такъ велики, что вода въ Васюганѣ была имъ только до колѣна. Переходя

одинъ къ другому, они никогда выше колѣна не мочили ногъ своихъ и въ большую и въ полую воду. Вѣроятно, по здравому смыслу, эти богатыри были обыкновенные люди и такого же обыкновеннаго роста, но знали мѣсто этого переката чрезъ Васюганъ и проходили другъ къ другу, только омочивъ ноги до колѣна. Другимъ инородцамъ, можетъ быть, и казалось удивительнымъ, что они только до колѣна переходятъ такую глубокую рѣку, но какъ они не знали тайны этого переката, то и представили въ своемъ воображенiи, что эти люди—богатыри и необыкновенно огромнаго роста. А какъ въ то время жителей по Васюгану было еще очень мало, то и очень легко, что память объ этихъ двухъ человѣкахъ, знавшихъ тайну переката, и сохранилась въ народной легендѣ. Да и самая-то легенда уже доказываетъ, что этотъ перекатъ существуетъ уже не одно столѣтiе. 2) По рѣчкѣ Кѐльватъ, есть впадающая въ нее рѣчка Ке́львасъ-игатъ, выходящая изъ озера. По берегу этого озера, каждую весну располагается своимъ станомъ одинъ крещеный тунгузъ со стадами оленей. Семья его состоитъ изъ жены, сына-подростка, лѣтъ четырнадцати, и двухъ взрослыхъ дочерей, у которыхъ праздничныя рубашки обшиты бисеромъ и мѣдными крестами, какiе продаются у мелочныхъ торговцевъ. Самъ тунгузъ крещеный, но жена и дѣти его не крещены. Въ началѣ, или половинѣ iюля, онъ укладываетъ свой станъ, собираетъ оленей и перекочевываетъ куда-то, но куда неизвѣстно. 3) Повыше Айполовыхъ юртъ за три плеса есть рѣчка Ве́линъ-ига́й, въ нее съ юга впадаетъ рѣчка Егъ, выходящая изъ озера Егъ-сига́тъ. Западная часть этого озера отдана жителями юртъ Айполовыхъ въ кортомъ крестьянину Тарскаго округа Волгинской волости деревни Елизаровой Ивану Федотову Сѣдельникову, который выстроилъ тутъ на берегу озера себѣ избу и каждою осенью прiѣзжаетъ жить тутъ до весны для промысла рыбы съ товарищемъ своимъ, тоже тамошнимъ крестьяниномъ, Васильемъ Трифоновымъ. Эти крестьяне оба старовѣры и у нихъ съ остяками всегда бываютъ непрiятности, хотя пустыя, но все таки непрiятности изъ за прорубей въ озерѣ. Туда же прiѣзжаютъ зимою для промысла рыбы и остяки изъ Айполовыхъ и Окон-

цугонцевыхъ юртъ. А какъ старовѣры изготовляютъ для себя проруби въ озерѣ, чтобы имѣть воду для домашняго употребленія, поранѣе, то остяки, любящіе вообще поболѣе соспуть, черпаютъ воду изъ ихъ же прорубей что для старовѣровъ кажется оскверненіемъ; потому крестьянамъ старовѣрамъ и приходится для каждаго новаго ведра воды долбить новую прорубь. Впрочемъ большой ссоры отъ этого не происходитъ и теперь остяки черпаютъ воду въ старовѣрскихъ прорубяхъ только тѣ, которые пріѣзжаютъ вновь или которые захотятъ подшутить надъ ними. 4) Между юртами Оконцугонцовыми и Кунтиками по правую руку Васюгана есть озеро Тухъ-Сигатъ. На этомъ озерѣ есть островокъ и на немъ сдѣланъ амбарчикъ на четырехъ столбахъ. Въ этомъ амбарчикѣ изстари до сихъ поръ хранятся прежнія остяцкія куклы-идолы, „Ортыни-Пай“ (богатая баба) и двѣ ея прислужницы (айми). Ортыни-Пай сидитъ у одной стѣны амбарчика на маленькомъ возвышеніи, а обѣ прислужницы ея (айми) стоятъ по бокамъ возлѣ нея. Какъ сама Ортыни-Пай, такъ и прислужницы ея одѣты въ полотняныя рубашки, ушитыя бисеромъ и мѣдными блестящими вещицами. Сама Ортыни-Пай сдѣлана аршина въ полтора вышины, а прислужницы ея поменѣе аршина. Передъ ней стоитъ низенькій столикъ, на которомъ поставлена серебряная тарелка, изукрашенная разными черточками и кружками, какъ прежде украшались у остяковъ горшки изъ черной глины, иногда и въ настоящее время находимые въ землѣ. Есть преданіе, что у этой Ортыни-Пай былъ мужъ, родная сестра и семь сыновей и будто бы жили они тутъ всѣ вмѣстѣ. Мужъ ея отправился въ рѣчку Юганъ воевать съ тамошними дьяволами и оттуда уже не возвращался, вѣроятно, тамъ былъ убитъ на войнѣ. Сестра же Ортыни-Пей, молодая дѣвица, когда у вдовы подросли сыновья, пошла въ рѣку Тымъ искать себѣ жениха и оттуда не возвращалась, можетъ быть тамъ она вышла замужъ. Ортыни-Пай очень уважается всѣми здѣшними и окрестными инородцами, какъ приносящая семейное счастье и удачу въ промыслѣ и ей приносится множество подарковъ. Амбарчикъ ея хранится въ чистотѣ и запирается замкомъ, ключъ отъ котораго хранится въ одномъ

Айполовскомъ семействѣ и передается изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, уже болѣе двухсотъ лѣтъ. И теперь онъ хранится у Родіона Па́челкова, который въ настоящее время уѣхалъ внизъ Васюгана для сбора орѣховъ. 5) Близь этого же озера Тухъ-Сига́тъ есть другое озерко „Кайо́годете-эмтеръ", соединяющееся съ первымъ рѣчкою. Недалеко отъ берега его въ густомъ лѣсу есть громадная пихта, у корня которой приносятся въ даръ „юнгу" простыя деревянныя колотушки, которыми при промыслѣ рыбы бьютъ рыбу по головѣ. Каждый инородецъ, пріѣзжающій сюда на промысемъ, обязанъ сдѣлать новую деревянную колотушку и положить ее подъ это дерево, въ подарокъ „юнгу" (духу). Не сдѣлавшій такого прдарка рискуетъ остаться вовсе безъ добычи. И дѣйствительно, говорятъ, такой остается вовсе безъ промысла, пока не принесетъ подъ дерево новую колотушку.

Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ провѣрить и удостовѣриться на мѣстѣ можно было только объ амбарчикѣ Ортыни-Пай и о пихтѣ, подъ которою приносятся въ даръ юнгу колотушки, такъ какъ ни тунгуза, ни татарскихъ крестьянъ староверовъ въ настоящее время нѣтъ въ наличности. Но попасть на озеро Тухъ-Сигатъ можно неиначе, какъ изъ юртъ Кунтиковъ, прійдется только верстъ двадцать пять сдѣлать по лѣсу пѣшкомъ, а потомъ въ боласкѣ добраться до озера Тухъ-Сигатъ, а изъ него по другой рѣчкѣ до озера Кайо́годете-эмтеръ.

19-го августа часамъ къ одиннадцати до полудня запасы наши были приготовлены и уложены, сами мы пообѣдали и поѣхали далѣе въ юрты Оконцугонцы. Верстахъ въ восьми повыше юртъ Айполовскихъ впадаетъ въ Васюганъ съ правой стороны рѣчка Кулканджи-игай, а потомъ еще повыше, верстахъ въ трехъ съ лѣвой стороны, рѣчка Вѐлинъ-игай, въ которую впадаетъ рѣчка Егъ, текущая изъ озера Егъ-Сигатъ, половину котораго содержитъ въ кортому старовѣръ, крестьянинъ Сѣдельниковъ. Къ тремъ часамъ небо опять покрылось тучами и пошелъ дождикъ, а часамъ къ одиннадцати ночи мы добрались до юртъ Оконцугонцевъ. Гребцы мои, будучи почти полсутокъ подъ дождемъ, пошли въ избу, чтобы обогрѣться и обсушиться и сварить ужинъ. Я же, не

желая ночью, въ потьмахъ, лѣзть на грязный, крутой берегъ, предпочелъ остаться въ лодкѣ до утра.

Юрты Оконцугонцы расположены на правомъ берегу Васюгана и состоятъ изъ четырехъ избушекъ съ чувалами. Напившись тутъ чаю и пообѣдавъ, мы отправились далѣе къ юртамъ Кунтикамъ. Плыть приходилось противъ быстрины теченія, а до Кунтиковъ разстоянія здѣсь считаютъ до шестидесяти верстъ. Верстахъ въ двѣнадцати отъ Оконцугонцевъ съ лѣвой стороны впадаетъ въ Васюганъ рѣчка Еголъ-ягъ, что по-остяцки значитъ „луковой народъ", отъ словъ ёголъ (лукъ дикій, полевой) и ягъ (народъ). Въ эту рѣчку съ сѣвера впадаютъ двѣ рѣчки Сулоягъ и Вéлинъ-ягъ изъ двухъ озеръ того же имени Сулоэмтеръ и Вéлинъ-эмтеръ. Эмтеръ по-остяцки собственно значитъ озеро. Близь устья Еголъ-яги расположены два лѣтніе берестяные балагана двухъ семей, пріѣхавшихъ сюда промышлять рыбу изъ юртъ Айполовыхъ. Часамъ къ четыремъ по полудни мы доѣхали до рѣчки Сартынъ-яга, впадающей въ Васюганъ съ лѣвой стороны и тутъ на высокомъ песчаномъ берегу сварили чай и ужинъ, такъ какъ ѣхать до юртъ Кунтиковъ приходилось еще верстъ около двадцати пяти и можно было разсчитывать доѣхать только утромъ, тѣмъ болѣе, что ѣхать въ темную ночь нужно было осторожно, чтобы не набѣжать на плывущій по рѣкѣ валежникъ. Уже сумерками мы миновали устье рѣчки Игалъ-яга, которая впадаетъ въ Васюганъ тоже съ лѣвой стороны теченія его. Ночь было морочная и туманная, а передъ разсвѣтомъ выяснило и съ восходомъ солнца 21 августа мы добрались до юртъ Кунтиковъ.

Юрты построены на правомъ берегу Васюгана и состоятъ изъ пяти избушекъ. Въ одной изъ нихъ, которая была почище, мы остановились. Хозяинъ ея, сѣдой ослѣпшій старикъ лѣтъ восьмидесяти, но веселый и разговорчивый. Почему-то ему присвоено уличное прозвище семипудовый, по всему видно, что онъ былъ въ свое время толстякомъ. Прежде онъ считался шаманомъ и ворожцомъ, да и нынѣ тоже не прочь иногда пошаманить и поэтому онъ человѣкъ состоятельный. Когда для меня и гребцовъ моихъ согрѣли самоваръ, я пригласилъ его напиться съ нами чаю, и онъ

явился къ намъ въ кафтанѣ изъ тонкаго сукна, и видно было, что онъ считаетъ для себя великою честью наше приглашеніе. По разсказамъ этого старика, слышаннымъ имъ отъ своего дѣда, весь Васюганъ заселился отъ девяти семей, пришедшихъ сюда изъ рѣки Юганъ, впадающій въ Обь почти противъ Сургута. Это было тогда, когда еще только основался Сургутскій городокъ и казаки облагали всѣхъ остяковъ обременительными поборами. Эти девять семей бѣжали отъ этихъ притѣсненій казаковъ на лыжахъ, прямо черезъ лѣса и болота, и дошли до рѣки Васюгана, гдѣ нынѣ находится село Васюганъ. Отсюда они бросились вверхъ рѣки Васюгана, хотя казаки вовсе не преслѣдовали ихъ, но имъ хотѣлось забраться куда нибудь подальше, чтобы непрошеные гости притѣснители не могли бы добраться до нихъ. Отъ этихъ-то девяти семей и разродились всѣ жители по рѣкѣ Васюгапу до самаго устья рѣчки Нюрольки. Оттуда же до самаго устья Васюгана уже живетъ другое племя обскихъ инородцевъ, которые и говорятъ совершенно отличнымъ отъ нихъ языкомъ.

Семипудовый старикъ, на мои вопросы объ амбарчикѣ Ортыни-Пай и о приносимыхъ въ даръ юнгу колотушкахъ, почти буквально повторилъ мнѣ разсказы, слышанные мною въ Айполовыхъ юртахъ и предложилъ мнѣ въ проводники своего внука, инородца лѣтъ двадцати восьми, если я пожелаю осмотрѣть эти мѣста. Онъ предупредилъ впрочемъ, что такимъ короткимъ днемъ невозможно осмотрѣть оба эти мѣста, что прійдется взять съ собою запасу на сутки, а въ случаѣ если прійдется ночевать, то нашъ проводникъ, его внукъ, введетъ насъ ночевать въ свой промышленный станъ. Такъ какъ время было еще около 9 часовъ утра и гребцы мои уже изготовили обѣдъ, то я и рѣшился, пообѣдавши, тотчасъ же отправиться осмотрѣть эти мѣста, воспользовавшись предложеніемъ старика семипудоваго, тѣмъ болѣе, что и погода понемногу стала выяснѣвать.

Послѣ обѣда я взялъ изъ своихъ людей Смирнова, оставивъ другихъ гребцовъ при лодкѣ, проводникъ взвалилъ себѣ на плечо мѣшокъ съ небольшимъ нашимъ запасомъ, куда также положилъ чайникъ и котелокъ, и мы отправились въ путь по лѣсной тро-

пинкѣ. Надобно было верстъ восемь пройти по этой тропинкѣ хвойнымъ густымъ лѣсомъ, чтобъ добраться до рѣчки, по которой уже на лодкѣ, всегда имѣющейся тутъ на запасѣ, прямо прiѣдемъ въ озеро Тухъ-Сигатъ. Съ часъ шли мы этой тропинкой и дошли до рѣчки, она тутъ шириною сажени въ полторы. Развалили опрокинутую тутъ лодку, проводникъ сѣлъ въ корму, Смирновъ въ греби, а я помѣстился между ними на мягкомъ душистомъ сѣнѣ. Верстъ пятнадцать плыли мы по рѣчкѣ и въѣхали въ озеро Тухъ-Сигатъ. Оно почти круглое, въ дiаметрѣ около девяти верстъ и посрединѣ его находится завѣтный островокъ. Часовъ около двухъ мы вышли на островъ, онъ тянется всего саженъ на двѣсти и покрытъ густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Посрединѣ его на небольшой полянкѣ довольно вѣтхiй амбаръ на четырехъ столбахъ, съ одной стороны его дверь и окно, затворенное ставнемъ. дверь была заперта замкомъ. Проводникъ и безъ ключа обѣщалъ показать намъ внутренность амбара, онъ подлѣзъ подъ амбаръ, поднялъ внутрь одну крайнюю половицу, чрезъ отверзтiе ея вошелъ въ амбаръ и вынулъ запорку, держащую болтъ, которымъ запиралось окно. Потомъ, вылѣзъ изъ амбара тѣмъ же путемъ, отворилъ ставень окна и пригласилъ меня слѣдовать по его слѣдамъ подъ амбаръ и внутрь амбара и мы вошли внутрь. Сырой, затхлый воздухъ не жилой комнаты сразу показался мнѣ душнымъ. У одной стѣны на особой деревянной скамейкѣ посажена кукла Ортыни-Пай, по обѣимъ сторонамъ ея поставлены ея прислужницы (айми). Сдѣланы онѣ просто изъ дерева, простой топорной работы, вмѣсто глазъ, носа и рта сдѣланы углубленiя и вычернены, на головахъ и всѣхъ ихъ мѣховыя шапочки, бѣлыя холщевыя рубашки, отъ времени обратившiяся въ какiя-то сѣрыя, ушиты бисеромъ и мѣдными свѣтлыми бляхами, круглой и четвероугольной формы. Предъ истуканомъ Ортыни-Пай стоитъ маленькiй столикъ и на немъ серебряная, на манеръ десертной, тарелочка, куда кладутъ свои подарки прiѣзжающiе и приходящiе инородцы, какъ объяснилъ мнѣ мой проводникъ. Эта тарелочка изчерчена разными черточками и кружечками, непохожими впрочемъ ни на какiя письмена, или iероглифы. По обѣимъ сторонамъ продольныхъ стѣнъ амбара

на полу накладены въ безпорядкѣ разные подарки, принесенные Ортыни-Пай почитателями ея и развернутые валяются въ безпорядкѣ, оставляя впрочемъ посрединѣ проходъ до самаго столика, стоящаго предъ идоломъ. Подарковъ этихъ навалено около стѣнъ съ полу почти на аршинъ, но отъ сырости и затхлаго воздуха уже начали они гнить. Осмотрѣвъ все это, мы съ проводникомъ вылѣзли опять изъ амбара, онъ попрежнему затворилъ ставень окна, заперъ его болтомъ изнутри и опустилъ по прежнему половицу, неоставивъ никакихъ слѣдовъ посѣщенія нами этого амбара. Мы опять сѣли въ лодку и поѣхали по озеру къ устью рѣчки, которая идетъ изъ озера Кайоѓодете. Доѣхавъ до озера Кайоѓодете, мы поѣхали озеромъ на западъ, пристали къ берегу и пошли къ завѣтному дереву. Въ полуверстѣ отъ западнаго берега озера, въ глухомъ хвойномъ лѣсу мы увидѣли пихту обхвата въ два толщиною. Вокругъ корня ея набросано множество деревянныхъ колотушекъ и эта куча колотушекъ достигаетъ вышины не менѣе двухъ аршинъ.

Солнце уже склонялось къ западу, мы сѣли опять въ лодку и по той же рѣчкѣ поѣхали опять въ озеро Тухъ-Сиѓатъ, на юго-западномъ берегу котораго находится промышленный балаганъ нашего проводника, гдѣ мы предполагали напиться чаю, поужинать и почевать на свѣжемъ сѣнѣ. Часамъ къ одиннадцати ночи мы пріѣхали къ стану. Этотъ станъ былъ настоящее остяцкое карамо́ съ нарами и чуваломъ. Тутъ развели въ чувалѣ огонь, согрѣли чай, сварили ужинъ и уснули на свѣжемъ сѣнѣ, принесенномъ нашимъ проводникомъ. Утромъ на зарѣ поѣхали дальше и часамъ къ 9-ти утра были уже въ юртахъ Кунтикахъ у радушнаго слѣпца семипудоваго, который распорядился, чтобы къ нашему приходу былъ бы готовъ самоваръ и мои гребцы приготовили бы обѣдъ.

Надобно было отъ Куптиковъ ѣхать до Мукатаевыхъ юртъ. Инородцы здѣсь считаютъ разстояніе не верстами, а плесами, этотъ же станокъ до Мукатаевыхъ имѣетъ сто двадцать плесовъ, что не укладешь въ добрыхъ полтораста верстъ. Ходу здѣсь вверхъ противъ воды трое сутокъ, поэтому нужно было принанять двухъ

человѣкъ, чтобы они могли замѣнить моихъ гребцовъ, когда тѣ очень утомятся. Кромѣ того верстахъ въ пяти повыше устья рѣчки Ягылъ-яга есть волокъ, чтобъ не ѣхать мучемъ. Въ этомъ мучѣ есть яръ, называемый Ярыхъ-милинъ, (ершовая заводь), въ глубинѣ которой и донынѣ будто бы водится Вехъ (мамонтъ). Онъ будто бы утягиваетъ въ воду и проглатываетъ пущенные здѣсь по водѣ чурбаны и можетъ проглотить или утопить и лодку неосторожно въѣхавшую въ эту заводь. Будто бы нѣкоторые изъ инородцевъ видывали, какъ онъ поворачивается съ боку на бокъ въ этой заводи и при этомъ поворачиванiи его вода выходитъ изъ береговъ и крутится, какъ подъ мельничнымъ колесомъ. Слова нѣтъ, изъ самаго разсказа о мамонтѣ видно, что чудовище это вовсе несуществуетъ, а только находится въ воображенiи инородцевъ. Тутъ просто возлѣ этого яра находится омутъ, который втягиваетъ чурбаны и, можетъ быть, этотъ омутъ въ глубинѣ подрываетъ берегъ, а когда подроетъ и берегъ упадетъ въ воду, то естественно, что вода выступитъ изъ береговъ и кажется имъ, что переворачивается чудовище. Какъ бы то ни было, но мои гребцы не бывали по Васюгану дальше Айполовскихъ юртъ и плыть въ незнакомомъ мѣстѣ и чрезъ такой омутъ, можетъ быть, еще въ ночное время, казалось довольно опаснымъ. Поэтому я нанялъ здѣсь двухъ инородцевъ для сопровожденiя меня до юртъ Мукаѐевыхъ и около полудня 22-го августа отправились далѣе въ путь.

Верстахъ въ пяти отъ Кунтиковъ вверхъ въ Васюганъ впадаетъ съ правой стороны рѣчка Кунтикъ, выходящая изъ озера. Часамъ къ 6-ти пополудни мы миновали устье рѣчки Ягылъ-яга (березовые люди), которая впадаетъ въ Васюганъ съ лѣвой стороны. Эту рѣчку и слѣдующую за нею Чертанлы я рѣшился осмотрѣть на обратномъ пути изъ вершины Васюгана, такъ какъ по нимъ обѣимъ есть юрты и живутъ инородцы. Теперь же, засвѣтло, мнѣ хотѣлось миновать Ярыхъ-милинъ (ершовую заводь) и тамъ уже, гдѣ нибудь, расположиться на берегу, напиться чаю и поужинать, да если будетъ возможно, то и заночевать. Къ 7-ми часамъ, уже по закатѣ солнца, мы доѣхали до муча и, по указанiю проводниковъ, пристали къ берегу, чтобы перетащить лодку

волокомъ. Волокъ этотъ низкимъ ложкомъ шелъ не болѣе двадцати саженъ, но огибать рѣкою мучь и страшный омутъ слѣдовало не менѣе пятнадцати верстъ. За волокомъ верстахъ въ пяти былъ крутой песчаный берегъ, на которомъ удобно было напиться чаю и поужинать. Здѣсь мы заснули въ лодкѣ до утра.

23-го августа, на разсвѣтѣ, напившись только чаю и посадивъ запасныхъ гребцовъ въ греби, мы отправились далѣе. День былъ ненастный и моросилъ дождь. Пообѣдали, недоѣхавъ до устья рѣчки Чёртанлы верстъ семь, потомъ опять пустились въ путь, а ночевать пришлось въ промышленномъ карамо́ на лѣвомъ берегу Васюгана, верстахъ въ двадцати вверхъ отъ устья рѣчки Чёртанлы, оставивъ одного изъ гребцовъ моихъ въ лодкѣ для караула. 24-го августа послѣ полудня пріѣхали до устья рѣчки Анлягъ, впадающей въ Васюганъ съ лѣвой стороны изъ возвышеннаго водораздѣла между Васюганомъ и рѣчкою Чёртанлы, покрытаго хвойнымъ лѣсомъ и тутъ пообѣдали. Рѣчка Чёртанлы, обѣгая на западъ этотъ водораздѣлъ, покрытый хвойнымъ лѣсомъ, вершиною своею почти сходится съ Васюганомъ; а изъ этого возвышеннаго водораздѣла, какъ въ Чёртанлы, такъ и въ Васюганъ впадаютъ многія рѣчки. Часамъ къ пяти по полудни проѣхали устье рѣчки Ярегенбагъ, впадающей въ Васюганъ съ правой стороны, а часамъ къ десяти вечера добрались до юртъ Мукатàевыхъ, гдѣ и ночевали въ лодкѣ.

Юрты Мукатàевы состоятъ изъ трехъ избушекъ съ чувалами и одного карамо́ и расположены на правомъ берегу Васюгана. Утромъ, напившись чаю, у чувала приготовили обѣдъ, потомъ отпустили нанятыхъ изъ Кунтиковъ инородцевъ и часовъ около восьми 25-го августа пустились далѣе въ юрты Андрушкины. Часамъ къ двумъ по полудни, проѣхавъ два устья рѣчекъ Калмàны-югà и Сыканъ-игáй, впадающихъ въ Васюганъ съ лѣвой стороны изъ возвышеннаго водораздѣла, мы пріѣхали въ юрты Андрушкины. Въ юртахъ Андрушкиныхъ пять избушекъ и два карамо́ на правомъ берегу Васюгана. Тутъ живутъ семь семей, но теперь въ наличности только одна, всѣ прочіе уѣхали еще въ іюнѣ къ устью Васюгана для сбора орѣховъ. Пообѣдавъ тутъ, мы поѣхали далѣе

до юртъ Колмако́выхъ. Къ сумеркамъ доѣхали до устья рѣчки Нюгосъ-ягъ, впадающей въ Васюганъ съ лѣвой стороны изъ того же возвышеннаго водораздѣла, а къ полуночи пріѣхали въ юрты Колмако́вы.

Юрты Колмаковы раскинуты на правомъ берегу Васюгана и состоятъ изъ шести избушекъ, въ которыхъ живутъ восемь семей, но изъ нихъ теперь на лицо только двѣ семьи: старикъ инородецъ съ женою старухою и среднихъ лѣтъ инородецъ съ дѣтьми, женою и старикомъ отцомъ. Отъ нихъ я узналъ, что далѣе вверхъ по Васюгану теперь нѣтъ никого изъ жителей. Юрты Аракпаевы въ 1877 году сгорѣли и съ того времени въ нихъ никто не живетъ; а въ юртахъ Инжиныхъ только два дома, но обитатели ихъ мѣсяца два назадъ уѣхали внизъ по Васюгану на орѣшный промыселъ. Слѣдовательно ѣхать далѣе въ вершину Васюгана мнѣ не стоило, только нужно было знать откуда и какъ онъ беретъ свое начало и какія впадаютъ въ него рѣчки до самой вершины. На этотъ случай старики могли удовлетворить моему любопытству. Они нѣсколько разъ бывали въ вершинѣ его и знаютъ всю тамошнюю мѣстность, какъ свои пять пальцевъ. Въ самой вершинѣ Васюгана и вправо отъ начала его есть огромное болото, которое захватываетъ собою верховья рѣчки Чижапки и Парабели и соединяется съ болотомъ Шидеро-Бонъ уже у верховьевъ рѣчки Чаи. Во время весенняго разлива вся эта болотистая мѣстность сплошь покрывается верстъ на триста водою и называется у мѣстныхъ и Тарскихъ жителей „Васюганскимъ моремъ“. Въ краю этого болота, ближе къ вершинѣ Васюгана, есть чворъ, гдѣ промышляютъ рыбу. Въ концѣ чвора начинается мелкій хвойный лѣсъ верстъ на пять, по которому подъ мохомъ, а иногда и по поверхности моха, течетъ ручеекъ четверти въ три шириною. Это и есть Васюганъ. Пройдя мелкій лѣсокъ, Васюганъ теряется въ чистомъ болотѣ, а потомъ чрезъ одну версту показывается изъ болота уже рѣчкою въ аршинъ шириною съ крутыми въ половину аршина берегами, а далѣе становится все шире и шире, и верстахъ въ пятнадцати отъ вершины принимаетъ въ себя рѣчку Чопку, впадающую въ него изъ рѣки Тары. Отъ Колмаковыхъ

юртъ до вершины въ Васюганъ впадаютъ съ лѣвой стороны изъ возвышеннаго водораздѣла рѣчки Кынъ, выходящая изъ озера, Паварса́нъ-ига̀, Малый Юнъ-юга̀нъ, Большой Юнъ-юга̀нъ, Юнгильянъ-юга и Чо̀пка, а съ правой стороны болотныя рѣчки Юнъягынъ и Шайтанка. Изъ послѣднихъ по Васюгану Инжиныхъ юртъ проложена сухопутно-проѣзжая телѣжная и санная дорога въ деревню Бочкаревку Тарскаго округа на разстояніи 70 верстъ и оттуда по этой дорогѣ тарскіе крестьяне привозятъ въ Васюганъ хлѣбъ и другіе припасы и ведутъ мѣновую торговлю на рыбу и мѣха.

Окончивъ распросы и получивъ помянутыя свѣдѣнія отъ стариковъ инородцевъ, я пообѣдалъ и около двухъ часовъ по полудни 26-го августа изъ Колмаковыхъ юртъ выѣхалъ обратно въ Андрушкины юрты, куда и пріѣхалъ вечеромъ. Здѣсь ночевали въ лодкѣ и утромъ 27-го августа поѣхали далѣе внизъ Васюгана къ юртамъ Мукатаевымъ, куда пріѣхали къ полудню, а къ вечеру въ потьмахъ уже добрались до устья рѣчки Чёртанлы, гдѣ, расположившись на берегу, поужинали и заснули въ лодкѣ до утра. Назадъ, внизъ по теченію Васюгана, по быстринѣ ѣхать было легко и скоро, и то, что мы впередъ проѣзжали въ двое сутокъ, теперь проѣзжали въ однѣ сутки и даже менѣе.

28-го августа, утромъ, на разсвѣтѣ, мы поѣхали вверхъ по рѣчкѣ Чёртанлы и, проѣхавъ версты двѣ, добрались до юртъ „Зыряны первые“. Здѣсь одна избушка на лѣвомъ берегу по теченію Чёртанлы и она заперта, никого изъ жителей нѣтъ. День такой же дождливый, какъ и вчера. Поѣхали дальше. Верстахъ въ трехъ отъ „Зырянъ-первыхъ“ въ Чёртанлы впадаетъ съ правой стороны рѣчка Патай-ягъ и отъ нея верстахъ въ десяти съ лѣвой стороны впадаетъ рѣчка Сига̀тъ съ безъимянною рѣчкою, выходящею изъ озера. Къ вечеру доѣхали до юртъ „Зыряны—вторые“. Онѣ на лѣвомъ берегу рѣчки Чёртанлы и состоятъ изъ двухъ избушекъ. Гребцы мои подъ дождемъ измокли и окрѣпли, имъ надобно было обсушиться и отдохнуть, а потому мы рѣшились ночевать тутъ. Гребцы принесли мнѣ въ лодку ужинъ, такъ какъ дождь шелъ и сегодня и вчера и на берегъ выходить было и грязно и скользко.

29-го августа утромъ отправились далѣе. Верстахъ въ двухъ отъ „Зырянъ-вторыхъ“ въ Чёртанлы впадаетъ съ правой стороны рѣчка Нёркаяъ-юга̀ и потомъ верстахъ въ трехъ съ лѣвой стороны рѣчка Сига-юга̀нъ. Немного за полдень пріѣхали въ юрты „Зыряны—третьи“. Здѣсь одна избушка на правомъ берегу почти противъ устья рѣчки Яйма̀й-юга, которая впадаетъ въ Чёртанлы съ лѣвой стороны. Пообѣдавши здѣсь, отправились далѣе. Ночевать мы добралисъ къ устью рѣчки Большаго Туга́йбага. Съ лѣвой стороны рѣчки Чёртанлы болотный водораздѣлъ между Чёртанлы и рѣчкою Ягылъ-ягомъ, а съ правой возвышенный водораздѣлъ между Чёртанлы и Васюганомъ. Отъ „Зырянъ—третьихъ“ въ Чёртанлы до Вилкиныхъ юртъ впадаютъ съ лѣвой стороны рѣчки Яйма̀й-юга̀, Яркуту-юга, Китяги-юга, Малый Туга̀йбагъ, Большой Туга̀йбагъ и Путембагъ, а съ правой стороны Круягъ и Айсосъ.

30-го августа утромъ поѣхали далѣе. День былъ ненастный, моросилъ дождь. Къ полудню доѣхали до юртъ Вилкиныхъ. Тутъ одна избушка на правомъ берегу Чёртанлы; здѣсь пообѣдали, обсушились и уже къ полуночи добрались до Томыспаевыхъ юртъ. Отъ Вилкиныхъ до Томыспа̀евыхъ юртъ въ Чертанлы впадаютъ рѣчки съ лѣвой стороны Малый Макала̀нъ-юга́, Большой Макала̀нъ-юга̀ и Икачо́га-юга̀, а съ правой Ко̀ркангу-ига̀, Ра̀мать-юга̀ и Пульдунъ-юга̀. Юрты Томыспа̀евы стоятъ въ полуверстѣ отъ праваго берега Чёртанлы и состоятъ изъ трехъ избушекъ, гдѣ помѣщаются четыре семьи. Отсюда проложена сухопутная дорога на восемьдесятъ верстъ до деревни Орловки Тарскаго округа, откуда крестьяне привозятъ сюда хлѣбъ и разные припасы и мѣняютъ на рыбу и мѣха.

31-го августа утромъ, часамъ къ одиннадцати, мы попали въ юрты Ай-игалъ-пуголъ, которыя находятся верстахъ въ десяти отъ Томыспа̀евыхъ и существуютъ не болѣе шести лѣтъ. Здѣсь четыре избушки инородческихъ и одна крестьянская изъ деревни Черновки Тарскаго округа, но хозяинъ ея постоянно здѣсь не живетъ, и пашню свою въ деревнѣ Черновкѣ не бросаетъ. Зовутъ его Степаномъ, но фамиліи его отъ инородцевъ я узнать не могъ.

Между Томыспаевыми и Ай-игалъ-пуголъ съ лѣвой стороны въ Чертанлы впадаетъ рѣчка Дай-игалъ и уже за юртами Ай-игалъ-пуголъ верстахъ въ десяти выше съ правой стороны впадаетъ рѣчка Сартынъ-ягъ, имѣющая свое начало между рѣчками Кынъ и Паварсанъ-ига, впадающими въ Васюганъ. Далѣе же идетъ вершина рѣчки Чёртанлы изъ болота, пограничнаго Тарскому округу. Добравшись до того мѣста, гдѣ рѣчка Чёртанлы имѣетъ ширину, чтобы можно было повернуть лодку, мы повернули назадъ, и къ сумеркамъ доѣхали до юртъ Томыспаевыхъ, гдѣ и ночевали.

1-го сентября, около десяти часовъ утра, мы поѣхали назадъ, внизъ по рѣчкѣ Чёртанлы и къ вечеру доѣхали до юртъ Вилкиныхъ и здѣсь ночевали. Быстрина Чёртанлы гораздо тише быстрины Васюгана, а потому ѣхать, хотя и внизъ по рѣкѣ, было почти одинаково, какъ и вверхъ. 2-го сентября уже сумерками мы пріѣхали ночевать въ юрты „Зыряны—третьи", а къ вечеру 3-го сентября доѣхали до устья рѣчки Чёртанлы и съ утра 4-го сентября поѣхали уже внизъ по Васюгану. Съ самаго 30-го августа стояла ненастная погода и моросилъ дождь, немилосердно мочившій моихъ гребцовъ почти до костей, а вполнѣ обсушить платье имъ почти не приводилось.

4-го сентября, къ двумъ часамъ по полудни, проѣхали по Васюгану до устья рѣчки Ягылъ-ягъ, (березовые люди, березовый народъ), а къ вечеру успѣли только доѣхать до устья первой, впадающей въ Ягылъ-ягъ, рѣчки Ымли-юга, которая впадаетъ съ лѣвой стороны теченія, и тутъ заночевали. Рѣчка Ягылъ-ягъ въ своемъ теченіи очень тиха, даже тише Чёртанлы, быстрины почти нѣтъ нисколько и ѣдешь по ней, какъ по озеру. Впрочемъ и въ ней, какъ и въ Чёртанлы и въ Васюганѣ вода большая отъ ненастья и почти безпрерывныхъ дождей. По берегамъ Ягылъ-яга, возвышающимся надъ водою не болѣе сажени, вмѣсто тальника ростетъ березникъ ровный, какъ будто въ одинъ годъ посаженный и не отъ этого ли она получила свое названіе Ягылъ-ягъ (березовые люди), потому что тамъ съиздавна былъ и росъ только одинъ березникъ, а люди поселились тамъ еще не далѣе, какъ съ 1874 или 1875 года. Утромъ 5-го сентября проѣхали еще

устье рѣчки Сыркни-юга̀, впадающей въ Ягылъ-ягъ съ правой стороны изъ болотнаго водораздѣла между Ягылъ-ягомъ и рѣчкою Чёртанлы, а къ 10 часамъ доѣхали до юртъ Ле́сморовыхъ—первыхъ и тутъ приготовили обѣдъ. Юрты стоятъ на правомъ берегу Ягылъ-яга и состоятъ изъ трехъ избушекъ, почти вновь выстроенныхъ и въ нихъ живутъ три семьи инородцевъ. Съ полудня отправились далѣе и къ ночи, проѣхавши устье рѣчки По́лномъ-юга̀, впадающей въ Ягылъ-ягъ съ лѣвой стороны, остановились ночевать на устьѣ слѣдующей рѣчки Ка̀ергай, впадающей слѣва же. Утромъ 6-го сентября, часамъ къ десяти, пріѣхали въ юрты Лѐсморовы—вторыя. Онѣ расположены на правомъ берегу Ягылъ-яга, какъ разъ противъ устья рѣчки Эмтеръ-игалъ, впадающей съ лѣвой стороны и берущей начало свое изъ озера. Здѣсь только одна избушка, выстроенная не болѣе двухъ лѣтъ назадъ. Далѣе до самой вершины Ягылъ-яга впадаютъ въ него съ лѣвой стороны рѣчка Юнкульпоро́-юга, а съ правой Большой Юнъ-югалъ, Малый Юнъ-югалъ и Ко́моюгалъ. На устьѣ рѣчки Малаго Юнъ-югала стоитъ карамо́ и тутъ года два уже постоянно живетъ одна семья инородцевъ. Сюда мы доѣхали уже къ сумеркамъ, но далѣе не поѣхали, потому что тамъ ширина Ягылъ-яга не превышаетъ трехъ саженъ и заворотить нашу лодку невозможно. Утромъ 7-го сентября изъ Ягылъ-яга поѣхали обратно и къ полудню 8-го сентября доѣхали до устья Ягылъ-яга, гдѣ пообѣдавъ, поѣхали внизъ по Васюгану, а часамъ къ одиннадцати ночи пріѣхали въ Кунтики къ слѣпцу семипудовому, миновавъ счастливо опять волокомъ страшный Ярыхъ-милинъ еще за свѣтло.

9-го сентября рано утромъ выѣхали изъ Кунтиковъ и часамъ къ тремъ пополудни доѣхали до устья рѣчки Еголъ-яга. Здѣсь на берегу пообѣдали, а къ сумеркамъ попали въ юрты Айполовскіе, гдѣ провели ночь въ домѣ церковнаго старосты. 10-го сентября послѣ полудня попали въ Тимольгины юрты, а къ вечеру въ Ка́дыльскіе.

11-го сентября утромъ поѣхали далѣе. День былъ ясный. Часамъ къ одиннадцати до полудня мы добрались до горы Сындакую, гдѣ въ старину по преданію жилъ извѣстный шаманъ этого

имени въ карамо́, вырытомъ вверху на уступѣ скалы. Теперь время было удобное для осмотра скалы и карамо̀ и мы пристали къ берегу. Пока гребцы мои приготовляли чай и обѣдъ я съ Смирновымъ отправился осматривать гору Сындакую. Между нею и другою, сосѣдней съ нею съ правой стороны, скалою находится тропинка, по которой мы взобрались въ ущелье, поросшее хвойнымъ лѣсомъ. Ущельемъ по тропинкѣ мы поднимались около версты въ лѣвую сторону и вышли на площадку верхушки горы Сындакую. На ней лѣсу не было и прелестный видъ открылся намъ на оба берега Васюга. На нихъ обоихъ между мѣшанымъ лѣсомъ, березнякомъ и другихъ лиственныхъ породъ, виднѣлись небольшія озера, покосы съ поставленнымъ уже сѣномъ, красивые пролѣски, и все это было освѣщено солнцемъ, такъ уже давно нами невиданнымъ и только изрѣдка пригрѣвавшимъ насъ въ теченіи почти всего путешествія. Подойдя къ береговой скалѣ площадки, мы замѣтили тропинку внизъ, ведущую въ карамо́ шамана. Входная дверь въ карамо была полуотворена, но въ самомъ карамо было темно. Надобно было освѣтить внутренность его огнемъ. Я вырвалъ изъ своей походной записной книжки листа три бумаги, свернулъ её въ родѣ фитиля и зажегъ спичкою, но все-таки это не могло служить намъ факеломъ. Къ счастію мы увидѣли, валявшійся на полу карамо, вѣникъ изъ еловыхъ сучьевъ, какіе употребляются здѣсь вообще для метенія пола. Зажегши этотъ вѣникъ, можетъ быть, бывшій въ употребленіи болѣе ста лѣтъ назадъ, мы освѣтили карамо́. На нарахъ, противъ чувала, лежали какія-то полуистлѣвшія лохмотья изъ оленьей шкуры. Неужели эти лохмотья и были одеждою шамана? Ничего болѣе, кромѣ голыхъ стѣнъ и пустыхъ наръ, мы не нашли въ карамо́. Нашъ факелъ-вѣникъ уже сталъ догорать и мы поспѣшили выйти во входную дверь, которую оставили также полуотворенною, какъ она была и прежде. Взошедъ на площадку горы, я снова полюбовался окрестностями, потомъ опять по тропинкѣ ущелья мы спустились внизъ, гдѣ уже готовъ былъ чай и обѣдъ. Часа въ три мы поѣхали далѣе, а къ ночи пріѣхали въ юрты Ма̀дуковы, гдѣ и ночевали въ лодкѣ.

12-го сентября къ ночи мы добрались до Пенырскихъ юртъ, а 13-го сентября къ ночи доѣхали до села Васюгана. Здѣсь нужно было приготовить запасы хлѣба, какъ чернаго, такъ и бѣлаго, потому что при всей быстротѣ ѣзды до Нарыма надобно было ѣхать не менѣе десяти сутокъ, а наши запасы уже истощились. Оба предшествовавшіе дня были пасмурные, моросилъ дождь въ перемежку со снѣгомъ, надобно было поторапливаться, чтобы не замерзнуть въ Васюганѣ. Священникъ села Васюгана, отецъ Петръ Красновъ, принялъ насъ по прежнему радушно, сообщилъ мнѣ много новыхъ свѣдѣній о Васюганѣ и жителяхъ его, о ихъ вѣрованіяхъ, суевѣріяхъ и обычаяхъ, и даже, пока я ѣздилъ до вершины Васюгана, составилъ словарь Васюганскаго языка и подарилъ его мнѣ. Пробывши одинъ день въ селѣ и приготовивъ запасу на дорогу, мы 15-го сентября, около одиннадцати часовъ утра, пустились въ путь.

Отъ села Васюгана внизъ въ трехъ плесахъ, въ большомъ мучѣ, есть скала вышиною по берегу до пятнадцати саженъ, которую называютъ „Лòккамъ-пай“. Прежде, въ старину, по преданію, тутъ не было никакой скалы, а былъ ровный берегъ и на этомъ мѣстѣ жилъ въ карамó (землянкѣ) одинъ инородецъ, имя котораго не сохранилось. Разъ, ночью, надъ самымъ карамó этого инородца послышалось ржаніе лошади. Онъ подумалъ: „кто бы могъ пріѣхать къ нему на лошади, когда въ то время во всемъ Васюганѣ еще не было ни одной лошади“ и вообразилъ, что это ржаніе ему почудилось, а потому и не вышелъ изъ карамó. На слѣдующую ночь вновь послышалось ржаніе лошади и топотъ ея бѣга, какъ будто бы она бѣгала тутъ, вблизи его карамó. На этотъ разъ онъ вышелъ и увидѣлъ золотаго коня, бѣгавшаго вокругъ его карамó. Конь снова заржалъ и въ этомъ ржаніи послышался ему человѣческій голосъ, сказавшій: „лови и поймай меня и будешь счастливъ“. Оглушенный и ржаніемъ коня, и словами, послышавшимися въ этомъ ржаніи, инородецъ счелъ все это за навожденіе дьявола, съ которымъ ему не хотѣлось связываться, пошелъ въ свое карамò и заперся тамъ. На третью ночь онъ опять услышалъ ржаніе коня, только громче, какъ будто бы конь ржалъ

у него надъ самымъ ухомъ, и вышелъ изъ карамо́. Конь, увидѣвъ его, снова заржалъ и ему опять послышались тѣ же слова „лови и поймай меня и будешь счастливъ". И теперь онъ не рѣшился поймать коня, который уже самъ давался ему въ руки, ушелъ въ свое карамо́ и заперся тамъ. На другое утро, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было карамо̀ этого инородца, возвысилась эта скала и по преданію была названа „Ло́ккамъ-пай", т. е. золотой конь.

Уже вечеромъ, когда совсѣмъ стемнѣло, мы пріѣхали къ Тейкинымъ юртамъ и ночевали тутъ въ лодкѣ. Ночь была холодная и валилъ снѣгъ большими хлопьями. Утромъ проснувшись, мы увидѣли настоящую зиму. Весь берегъ и юрты были завалены снѣгомъ почти на четверть. Пошли въ избушку, тамъ обогрѣлись у чувала, напились чаю и поѣхали дальше. Хорошо, что хоть на самой рѣкѣ Васюганѣ не было снѣгу, онъ, падая, тотчасъ же таялъ на водѣ. Къ вечеру 16-го сентября мы добрались до юртъ Усть-Нюрольскихъ. День былъ пасмурный и моросилъ дождь, который согналъ весь снѣгъ и еще болѣе надѣлалъ грязи. Къ ночи 17-го сентября мы добрались до юртъ Каргальдаевыхъ, а вечеромъ 18-го сентября пріѣхали въ Усть-Чижапку. День становился уже малъ, ночи становились темнѣе и намъ поневолѣ приходилось торопиться, чтобы здѣсь въ Васюганѣ не захватила насъ зима, напугавшая насъ въ ночь на 16-е сентября.

19-го сентября утро было ясное, вѣтеръ съ юга теплый. Солнышко обсушило и обогрѣло насъ и мы радовались, что кончилась зима, такъ рано захватившая насъ въ лѣтнемъ экипажѣ. Гребцы мои повеселѣли и принялись грести усерднѣе. Черезъ проточку миновавъ Наунакъ, часамъ къ пяти пополудни мы попали въ юрты Маргины, а къ полуночи въ Югины юрты. Ночевавъ тутъ и не много отдохнувши, мы по быстринѣ рѣки часамъ къ пяти по полудни 20-го сентября доѣхали до устья Васюгана. Здѣсь надобно было ѣхать вверхъ по Оби, по счастію ночь была тихая и утромъ 21-го сентября мы попали въ Каргасокъ, а къ ночи уже доѣхали до дер. Ильиной и тутъ отдохнули до утра отъ вчерашней безсонной ночи.

22-го сентября, часовъ въ девять утра, поѣхали далѣе и къ

сумеркамъ доѣхали до Нарыма. Утромъ 23-го числа я отпустилъ своихъ гребцовъ, разсчитавъ ихъ за цѣлыхъ два мѣсяца. Гребцы же, нанятые въ Каргасокѣ и въ Югиныхъ, обязались доставить въ юрты Югины лодку, кортомленную мною. Изъ Нарыма попадать въ село Новоильинское по позднему осеннему времени, казалось затруднительнымъ, такъ какъ пассажирскіе пароходы всѣ прошли и развѣ только оставались въ пути какіе-либо буксирные. Наудачу я поѣхалъ на пристань, справиться, не ждутъ ли какого либо парохода? Мнѣ сообщили, что въ пути изъ Тюмени въ Томскъ находится буксирный пароходъ „Рыбакъ" и долженъ прибыть на Нарымскую пристань не позже 25-го сентября, гдѣ возьметъ до Томска купеческую кладь. Я рѣшился подождать его, чѣмъ ѣхать на земскихъ подводахъ четверо сутокъ въ открытой лодкѣ, подвергаясь всѣмъ непріятностямъ осенней погоды. 25-го сентября утромъ часовъ въ восемь пришелъ ожидаемый, а для меня желанный, пароходъ „Рыбакъ" и я помѣстился на немъ до Калпашевской пристани. Валилъ снѣгъ большими хлопьями, берега Оби были покрыты сплошь снѣгомъ, какъ зимою, но на рѣкѣ шуги не было и утромъ 26-го сентября пароходъ благополучно прибылъ въ Калпашеву, а къ 3 часамъ пополудни я уже былъ дома въ селѣ Новоильинскомъ, пріѣхавъ зимнимъ путемъ въ саняхъ на парѣ нанятыхъ лошадей.

Васюганская тундра идетъ по всей окружности рѣки Васюгана и впадающихъ въ него справа и слѣва маленькихъ и большихъ рѣчекъ, и, соединяясь болотами съ вершинами рѣчекъ, впадающихъ въ рѣку Парабель, Чарзапака, Чузака, Емельджи и Кенги и захватывая верховья рѣчки Чаи, образуетъ почти круглую площадь, имѣющую протяженія съ запада на востокъ до 500 верстъ, а съ сѣвера на югъ до 400 верстъ, слѣдовательно составляетъ площадь, занимающую около двадцати тысячь квадратныхъ верстъ. Эта площадь почти сплошь и рядомъ изрѣзана маленькими и большими рѣчками и озерами, имѣющими названія и безъ названій, глухими хвойными, кедровыми и мѣшаными лиственичными лѣсами, а на югѣ, почти вся сплошь покрыта не-

проходимыми болотами, которыя во время весеннихъ разливовъ водъ сливаются вмѣстѣ и слывутъ у мѣстныхъ инородцевъ и сосѣднихъ крестьянъ Тарскаго округа подъ именемъ „Васюганскаго моря“.

Населеніе тундры незначительно, такъ что по всему теченію Васюгана и по рѣчкамъ Чёртанлы и Ягылъ-ягъ, гдѣ я проѣхалъ, всего въ тридцати двухъ юртахъ, на протяженіи болѣе 2000 верстъ, живутъ 726 душъ обоего пола, считая тутъ и малолѣтковъ. Всѣ они инородцы, но ихъ два племени. Одни изъ нихъ, начиная отъ вершины Васюгана, по рѣчкамъ Чёртанлы и Ягылъ-ягу, внизъ до самаго устья Нюрольки, говорятъ однимъ изъ нарѣчій сургутскихъ остяковъ. Другіе же, отъ устья рѣчки Нюрольки, по рѣчкѣ Чижапкѣ и до самаго устья Васюгана, говорятъ языкомъ обскихъ инородцевъ—низовскимъ нарѣчіемъ. Первыхъ изъ нихъ ученый путешественникъ Кастренъ приписываетъ къ племени остяковъ, а вторыхъ къ племени остяковъ-самоѣдовъ. Всѣ обитатели Васюгана живутъ въ срубленныхъ на мху избахъ, въ которыхъ вмѣсто русскихъ печей, направо или налѣво отъ входной двери, устроенъ чувалъ, умазанный глиною, внизу чувала устроенъ очагъ, на которомъ дрова ставятся стоймя, какъ въ каминѣ, а вверху чувала въ потолкѣ прорубается отверзтіе для выхода дыма. При такомъ чувалѣ, когда горятъ дрова, по всей избѣ свѣтло и тепло отъ огня чувала, но невыносимо дымно, потому что дымъ не весь идетъ въ отверзтіе трубы, но распространяется по всей избѣ, выѣдая глаза. Труба чувала дѣлается обыкновенно изъ какого-нибудь дуплистаго дерева, или древесной коры, умазывается глиною и выходитъ въ верхнее отверзтіе наружу на половину аршина, а въ случаѣ надобности отверзтіе вверху закрывается доскою, чтобы тепло держалось въ избѣ. Хлѣбъ для себя инородцы приготовляютъ прѣсный, не толстыми продолговатыми хлѣбцами и пекутъ его на шашлыкѣ (вертелѣ) у огня чувала. Впрочемъ они не очень заботятся, чтобы хлѣбъ пропекся совсѣмъ „Горячо сыро не живетъ“ говоритъ русская пословица и здѣсь инородцы зачастую ѣдятъ хлѣбъ сырой, но только горячій, также недожаренныя на шашлыкѣ рыбу и мясо; но болѣе любятъ сырую, еще живую рыбу

и сырое лосиное мясо. Для печенія кислаго русскаго хлѣба они имѣютъ и русскую печь, но она устраивается не въ избѣ, а на улицѣ, такъ какъ у нихъ при избахъ дворовъ нѣтъ. Она устраивается на маленькомъ срубѣ, или на чемъ-то похожемъ на скамью и сбивается продолговатою и узкою съ однимъ отверзтіемъ, но бываетъ безъ трубы. Дымъ выходитъ въ то же отверзтіе, куда кладутся дрова, когда же дрова перегорятъ и вся печь нагрѣется, тогда садятъ въ нее хлѣбы и отверзтіе закрываютъ доскою, а эту доску припираютъ палкою, упертою въ землю впереди печи. Такая печь бываетъ одна на нѣсколько домовъ. Но эти избы съ чувалами и эти хлѣбныя печи для васюганскихъ инородцевъ есть только временное удобство. По наступленіи весны и разливѣ воды, инородецъ собираетъ все свое имущество въ лодку, заколачиваетъ на глухо свою избу и со всей своей семьею ѣдетъ куда-нибудь за двѣ и даже болѣе верстъ по рѣкѣ вверхъ, или внизъ, или располагается у какого либо озера. Здѣсь онъ ставитъ себѣ балаганъ изъ берестяныхъ тисокъ, живетъ тутъ со всею семьею у постоянно разведеннаго огня и промышляетъ рыбу. Вотъ здѣсь для него настоящій рай, ему нѐ надобно и дворца царскаго, не то что его дымной избы съ чуваломъ. Онъ здѣсь вполнѣ счастливъ и покоенъ. Попала ему рыба, онъ сваритъ полный котелъ, наѣстся до отвала со всею семьею, накормитъ и собакъ. Не попала рыба, ему и горя мало, въ другой разъ попадетъ, а на этотъ разъ и онъ, и семья сидятъ голодомъ, даже собаки, видя что на огнѣ не виситъ котелъ, знаютъ, что хозяихъ не добылъ рыбы и съ неудовольствіемъ, свернувшись, засыпаютъ, гдѣ-нибудь близь балагана. Въ обильный годъ изъ мелкой рыбы плотвы, ельцовъ и ершей они приготовляютъ такъ называемый порсъ. Вычистивъ рыбу, вдѣваютъ её на тоненькія палочки четвертей трехъ длины по нѣскольку штукъ. Палочки эти раскладываютъ на утвержденныхъ на стойкахъ жердяхъ, подъ которыми разводится небольшой огонь. Рыба и сушится, и коптится вмѣстѣ, и тутъ же поджаривается, и свѣжая, хорошо приготовленная, имѣетъ вкусъ копченыхъ сельдей. Щука, окунь, язи и караси чистятся, распластываются и сушатся на солнце. Эта вяленая рыба считается у инородцевъ лакомымъ ку-

шаньемъ, хотя она сырая и безъ соли. Изъ свѣжихъ же рыбьихъ потроховъ они приготовляютъ особое кушанье, въ родѣ пастилы, называемое „вàрка". Сбивая и смѣшивая вмѣстѣ всѣ потроха, сначала дѣлаютъ изъ этого тѣсто, потомъ, разсучивъ его, разрѣзываютъ на ремешки въ палецъ толщины и ширины и, обмакивая въ рыбій жиръ, поджариваютъ вмѣстѣ съ порсомъ. И вяленой рыбы, и порса въ обильный рыбою годъ инородецъ запасетъ на свою семью почти на годъ, да еще продастъ рублей на двадцать, или промѣняетъ на хлѣбъ у торговцевъ.

Такой рыбный промыселъ продолжается до спаденія воды, а тогда этотъ же рыбопромышленникъ отправляется на той же лодкѣ на покосъ, косить сѣно. Лѣтъ уже болѣе десяти назадъ васюганскіе инородцы стали держать лошадей, такъ какъ стали болѣе и болѣе наѣзжать къ нимъ торговцы изъ Нарыма и Тары, и для перевозки тяжестей имъ необходимы лошади, иногда наемныя. Поэтому инородцы и завели лошадей, которыя съ весны до осени гуляютъ на подножномъ корму, а зимою собираются въ юрты. Впрочемъ и сами инородцы уже сознали удобство ѣздить на лошадяхъ въ саняхъ, чѣмъ на собакахъ въ нартахъ. Это уже есть признакъ цивилизаціи.

Поставивъ сѣна сколько нужно по потребности скота, инородецъ, за неимѣніемъ другаго промысла, отправляется со всею семьею въ родимыя юрты, къ своему дымному чувалу и тамъ живетъ до осени, если годъ не орѣшный. Когда нападетъ снѣгъ и откроется санный путь, онъ тотчасъ же займется перевозкою домой въ юрты сѣна съ покоса. Окончивъ это, онъ исправляетъ свои звѣрныя ловушки и собирается лѣсовать. Не всѣ впрочемъ инородцы звѣропромышленники, у другаго и нѣтъ достаточнаго количества ловушекъ; эти остаются въ юртахъ дома, промышляютъ рыбу и звѣря, гдѣ-нибудь, поблизости и обязываются наблюдать и кормить скотину тѣхъ, которые уѣхали лѣсовать далеко. Нашъ звѣропромышленникъ, поручивъ наблюденіе за скотиною кому нибудь изъ остающихся въ юртахъ людей, запрягаетъ въ нарты собакъ, и сложивъ на нихъ свое имущество и ловушки, и взявъ всю семью, отправляется лѣсовать, т. е. промышлять лѣс-

наго звѣря. Выбравъ удобное мѣстечко въ лѣсу, онъ устраиваетъ свой походный домъ изъ берестянныхъ тисокъ, окружаетъ его для большаго тепла хвойными сучьями и вѣтвями, и приметываетъ все это снѣгомъ, какъ завалиною. Въ срединѣ этого балагана разводится огонь; здѣсь грѣются и варятъ себѣ въ котлѣ мясо, или рыбу, что случится. Устроивши такъ свое жилище, инородецъ и всѣ взрослые въ семьѣ отправляются въ разныя стороны отъ своего стана, осматриваютъ слѣды ходившихъ тутъ звѣрей и по примѣткамъ, извѣстнымъ имъ, ставятъ и настораживаютъ свои ловушки на бѣлокъ, колонковъ, соболей и лисицъ. Потомъ, каждое утро осматриваютъ ловушки, собираютъ попавшихся звѣрковъ, опять настораживаютъ ловушки и каждый своею дорогою возвращается въ свой станъ. По вечерамъ, оттаявъ убитыхъ звѣрковъ, обдираютъ съ нихъ шкурки, распяливаютъ ихъ на досщечки, приготовленныя для этого прежде, сушатъ, а высохшія уже подбираютъ по сортамъ и связываютъ десятками, сорокàми и сотнями. Выслѣживаютъ стада бродячихъ лосей, оленей, бьютъ ихъ изъ винтовокъ и ружей, на нартахъ привозятъ къ стану, сдираютъ шкуры, развѣшиваютъ ихъ для просушки, а мясо лосей и оленей варятъ въ котлѣ, или жарятъ на шашлыкѣ (вертелѣ) и любятъ его ѣсть не дожареное, чтобы въ немъ была бы еще кровь. Излишнее мясо, нарѣзавъ мерзлое ломтиками, вздѣваютъ на шнуры, или саргу и сушатъ въ запасъ. Сушеное мясо частію ѣдятъ сами, а частію продаютъ торговцамъ, или вымѣниваютъ на хлѣбъ и другіе товары. Предъ концемъ зимы каждая семья звѣропромышленниковъ укладываетъ опять свое имущество и пушный промыселъ въ нарты и отправляются домой въ свои юрты, къ своему дымному чувалу, забравъ съ собою и берестянныя тиски, нужныя послѣ для лѣтняго промысла.

При первомъ вскрытіи рѣки Васюгана инородецъ-промышленникъ нагружаетъ въ большую крытую лодку свое имущество и пушной промыселъ и отправляется въ село Васюганъ на ярмарку, которая бываетъ въ началѣ мая. Тутъ съѣзжаются торговцы изъ Нарыма, Каргаюка, Тымска и даже изъ Тарскаго округа съ верховьевъ Васюгана. Торговцы на перебой стараются выма-

нить у инородцевъ звѣря, для этого подпаиваютъ ихъ даже виномъ, взамѣнъ же звѣря даютъ имъ свой гнилой товаръ, ставя его имъ въ тридорога. Каждый изъ торговцевъ привозитъ сюда довольно вина и для себя и для тайной продажи его, впрочемъ продаютъ его не тайно и съ охмѣлѣвшихъ инородцевъ берутъ за бутылку, точно по таксѣ, отъ одного до полуторыхъ рублей. Инородцы на вино ужасно падки, пьютъ всѣ и мужчины, и женщины и малые ребята. Иной, едва успѣвши сдать ясакъ, прямо попадаетъ въ руки торговца-кулака и пропьетъ ему весь свой промыселъ, не заплативъ даже казенной хлѣбной недоимки, безъ чего не имѣетъ уже права взять хлѣба изъ казеннаго запаснаго магазина. Поэтому остается безъ хлѣба и приходится ему, бѣдному, ходить по тѣмъ же самымъ торгашамъ, которые обобрали его, и просить у нихъ изъ милости хлѣба въ долгъ до новаго промысла, для пропитанія семьи своей. Иной инородецъ, продавъ какому либо торгашу весь свой зимній промыселъ звѣря, беретъ отъ него не деньгами, а товаромъ и возьметъ у него вещей, вовсе ненужныхъ для себя и семьи своей, а потомъ пропиваетъ ему же и всѣ эти ненужныя вещи и пропиваетъ, разумѣется за полцѣны. И если торгашъ привезетъ съ собою пять ведеръ вина на 30 рублей и будетъ продавать его по одному рублю за бутылку, то онъ за одно вино выручитъ сто рублей на тридцать, а если еще свой, проданный уже, но ненужный инородцу товаръ, будетъ брать отъ него же за полцѣны и за него давать виномъ же, то онъ за тридцать получитъ по крайней мѣрѣ двѣсти рублей. Недаромъ эти торгаши-мосольники и лезутъ въ Васюганъ, гдѣ толстѣютъ и разживаются, не даромъ же и всѣ васюганскіе инородцы бѣдны въ матеріальномъ отношеніи и черезъ свое чрезмѣрное пьянство и пристрастіе къ вину остаются на низшей степени нравственнаго и умственнаго развитія.

Весь высокій берегъ Васюгана у села полонъ народа, слышенъ гулъ отъ говора пьяныхъ, крики и даже драка. Ночью, тоже самое, развѣ только уже очень охмѣлѣвшій инородецъ приляжетъ гдѣ нибудь тутъ же подъ шумокъ народа. За то къ восходу солнца все стихнетъ, все спитъ тутъ же на берегу до полудня, все

тихо, только изрѣдка раздается сильный храпъ, или пьяный-спящій инородецъ бормочетъ что нибудь со сна. Такъ продолжается здѣсь болѣе недѣли и, когда уже ни у кого изъ торговцевъ не останется вина ни капли, тогда всѣ разъѣзжаются по домамъ. И приходится инородцу такъ изъ года въ годъ пропивать весь свой промыселъ и съ каждой весны начинать опять ловить и сушить рыбу, а зимою промышлять звѣря. Очень и очень рѣдкихъ изъ нихъ можно назвать состоятельными, а прочіе всѣ нищета и бѣдность; между тѣмъ ихъ звѣриный и рыбный промыселъ, даже въ средніе годы, могъ бы доставить всѣмъ имъ возможность жить въ довольствѣ. Если бы не пристрастіе къ вину и не эксплоатація ихъ кулаками-торгашами, они всѣ жили бы не бѣдно.

Въ умственномъ развитіи всѣ вообще инородцы Васюгана находятся на первой ступени, не только цивилизаціи, но даже разумнаго пониманія вещей. Они еще не вышли изъ границъ скотскаго инстинкта. Грамотныхъ между ними нѣтъ, хотя почти всѣ взрослые объясняются довольно понятно по-русски, что показываетъ ихъ способность къ образованію. Школы здѣсь нѣтъ ни одной, ни казенной, ни частной, но инородцы съ радостію стали бы учить дѣтей своихъ, если бы только кто нибудь взялся за это дѣло, кто бы взялъ отъ нихъ дѣтей, училъ бы, кормилъ бы и одѣвалъ бы ихъ во все время ученія. Но этого сдѣлать, напримѣръ, священнику невозможно, тогда нужно было бы обложить всѣхъ Васюганскихъ инородцевъ особымъ церковнымъ сборомъ на школу, но будетъ ли это законно и кто разрѣшитъ подобный сборъ? Необходимо присогласить ихъ самихъ къ этому и присовѣтовать составить приговоръ, на что имѣетъ право и полную власть мѣстная администрація. При школѣ, можетъ быть, будущее поколѣніе васюганскихъ инородцевъ было бы способнѣе къ воспринятію цивилизаціи. Между тѣмъ священникъ и псаломщикъ могли бы взяться безъ труда за обученіе мальчиковъ, такъ какъ служба въ церкви бываетъ рѣдко и они имѣютъ много свободнаго времени.

Лѣтъ двадцать назадъ весь народъ по Васюгану былъ еще на столько дикъ, что никто изъ жителей не только не говорилъ, но

и не понималъ по-русски. Въ началѣ 1860-хъ годовъ васюганскіе инородцы въ первый разъ познакомились съ русскими, а особенно живущіе въ верховьяхъ Васюгана. Къ нимъ стали изрѣдка пріѣзжать крестьяне Тарскаго округа ближнихъ пограничныхъ деревень, для мѣновой торговли, привозили сюда муку, скотское сало, масло, иногда и скотское мясо и вымѣнивали все это на рыбу, которой въ Васюганѣ водится много, и на мѣха. Разумѣется, инородцы не знали цѣны привозимыхъ къ нимъ товаровъ и давали столько рыбы и бѣлокъ, сколько съ нихъ требовали. Вслѣдъ за этимъ Тарскіе крестьяне стали ввозить въ Васюганъ инородцамъ и вино, чѣмъ разлакомили ихъ. Это понравилось инородцамъ, а крестьянамъ еще болѣе, потому что торговля виномъ для нихъ была очень выгодна. Затѣмъ года черезъ два торгующій крестьянинъ Тарскаго округа изъ деревни Киштовки Федоръ Мефодіевъ Алексѣевъ завелъ, по примѣру другихъ, съ васюганскими инородцами уже правильныя торговыя сношенія, наѣзжая съ мукой, крупой, разными припасами и краснымъ товаромъ два раза въ годъ, т. е. осенью по первому снѣгу, послѣ рыбнаго промысла и весною послѣднимъ зимнимъ путемъ, послѣ зимняго звѣринаго промысла. Онъ обиралъ у нихъ и рыбу и звѣря на мѣстѣ, прежде нежели они могли попасть въ другія руки и сталъ снабжать ихъ и хлѣбомъ, и припасами, и даже товаромъ въ долгъ до будущаго промысла. Проведя такъ дѣло года два, Алексѣевъ сталъ забираться далѣе внизъ отъ верховьевъ Васюгана уже каюками, по водѣ, далѣе юртъ Тимольгиныхъ. Онъ устроилъ на свой счетъ дорогу между Томыспаевыми юртами и деревнею Орловкою и въ послѣдствіи между дер. Бочкаревой и юртами Инжиными, и первый прошелъ каюкомъ изъ рѣки Тары въ Васюганъ рѣчкою Чопкою. Конкуррентовъ у него не было, да и могли ли простые Тарскіе крестьяне, старовѣры-лапотники, конкуррировать съ нимъ? Поторговавъ такъ лѣтъ пятокъ и получивъ значительные барыши, онъ захватилъ въ свои руки весь этотъ край и неудержимо пустился далѣе села Васюгана до самаго устья, сталъ покупать товаръ въ Тюмени, доставлять его къ Васюгану пароходами, а тутъ развозить до верховья своими барками и каюками. Слова нѣтъ, Тарскіе

крестьяне, не смотря на конкурренцію Алексѣева, не переставали ежегодно посѣщать вершины Васюгана, хотя не по ихъ силамъ было идти далѣе внизъ юртъ Мукатаевыхъ и рѣчки Чёртанлы, но по проложеннымъ Алексѣевымъ дорогамъ они все-таки ѣздили и срывали въ Васюганѣ свои кусочки барыша.

Въ настоящее время типъ новаго поколѣнія Васюганскихъ инородцевъ отъ вершины до Тимольгиныхъ юртъ почти измѣняется совершенно на чисто русскій типъ. Вмѣсто коричневаго, загорѣлаго лица и черныхъ волосъ съ черными глазами, очень часто у мальчиковъ и дѣвочекъ включительно до пятнадцати лѣтъ, вы увидите бѣлое лице, совершенно русскаго типа съ рыжими кудреватыми, или бѣлокурыми волосами и голубыми глазами. Это типъ уже не остяцкій. Если же принять во вниманіе, что въ прежнее время, да и нынѣ еще, между сургутскими остяками считается въ правилахъ гостепріимства „заѣзжему гостю для ночлега предоставлять своихъ дочерей, или за неимѣніемъ ихъ, даже жену свою“ и религіозное правило нашихъ старовѣровъ: „если не согрѣшишь, то не въ чемъ будетъ и покаяться“; тогда поневолѣ подумаешь, что это новое, подростающее поколѣніе есть помѣсь русской и остяцкой крови, что очень легко могло быть отъ ближайшихъ сношеній Тарскихъ крестьянъ-старовѣровъ съ васюганскими инородками въ послѣднія пятнадцать лѣтъ. Да и по слухамъ отъ инородцевъ, наши нарымскіе казаки, посылаемые вахтерами въ Васюганскій и Айполовскій хлѣбные магазины, тоже жили, какъ султаны, имѣли по нѣскольку женъ въ разныхъ юртахъ, что также способствовало измѣненію остяцкаго типа на совершенно русскій. Жаль только, что это новое измѣнившееся поколѣніе, принявъ отъ крови отцовъ и русскую силу и русскій смыслъ и, можетъ быть, еще многія качества русскаго человѣка, остается воспитываться, рости и жить въ остяцкихъ семействахъ, въ ихъ неряшливости, въ ихъ вѣрованіяхъ, суевѣріяхъ, предразсудкахъ и обычаяхъ. Если бы отцы этого новаго поколѣнія селились тутъ же въ юртахъ, то это новое поколѣніе, находясь постоянно въ сношеніяхъ съ русскими ребятишками, переняло бы отъ нихъ много русскаго и впослѣдствіи оцивилизовалось бы.

Но для отцовъ этого новаго поколѣнія невозможно переселиться туда, гдѣ нѣтъ мѣста для пашни, къ которой они привыкли отъ дѣдовъ ихъ; а въ Васюганѣ только и возможна пашня въ юго-западномъ краю тундры, близь Тарскаго округа. Остальное же все пространство вѣсною затопляется водою и начало пашни, даже въ южныхъ частяхъ тундры, затянется до спаденія воды, до половины іюня; а съ этого времени хлѣбъ не успѣетъ не только созрѣть, но даже хорошенько вырости и околоситься.

Впрочемъ наѣзды Тарскихъ крестьянъ и въ особенности торговля по Васюгану Алексѣева, сдѣлали то, что почти по всѣмъ юртамъ васюганскіе инородцы завели лошадей и стали заготовлять для нихъ лѣтомъ на зиму сѣно, чего прежде и не знали какъ дѣлать. Дѣйствительно инородцы, въ особенности въ верхней и средней части Васюгана, лѣтъ двадцать тому назадъ, лошадей ни одной не имѣли, да имъ и надобности въ нихъ не было. Всѣ свои передвиженія и поѣздки они совершали въ лодкахъ водою, или въ нартахъ, запряженныхъ собаками. Когда же Алексѣевъ проложилъ дороги и отъ него пошли обозы съ мукою, крупою и разными товарами по всему Васюгану, то ему понадобилось отвозить домой, въ Тару, собранную здѣсь рыбу и мѣха, что составляло тоже немаленькіе обозы, а для этого ему приходилось нанимать лошадей. Въ началѣ же взять ихъ было негдѣ и вслѣдствіе этого васюганскіе инородцы стали заводить у себя лошадей, научились дѣлать сани, сбрую и запрягать лошадей, да уже по пути научились какъ заготовлять для нихъ сѣно. Нынѣ по Васюгану почти рѣшительно во всѣхъ юртахъ есть лошади, рѣдкій инородецъ не имѣетъ одной лошади, но есть многіе, имѣющіе три, пять и даже десять лошадей. Въ тридцати двухъ юртахъ, посѣщенныхъ мною, лошадей состоитъ на лицо 208 штукъ, но за то коровъ только 14 штукъ и то въ однѣхъ юртахъ Югиныхъ и въ самомъ селѣ Васюганѣ, считая тутъ же коровъ, имѣющихся у священника, псаломщика и вахтера. Овецъ же, свиней и козъ по всему Васюгану нѣтъ ни одной.

Инородцы Васюгана всѣ вообще христіане; у нихъ есть и приходская церковь, гдѣ ихъ крестятъ, женятъ, отпѣваютъ, куда они, по большимъ праздникамъ и по случаю пріѣзда въ село, считаютъ обязанностію своею сходить помолиться и поставить предъ иконами нѣсколько свѣчь. Но только въ этомъ наружномъ, обрядномъ отношеніи они и христіане, во внутреннихъ же своихъ вѣрованіяхъ они остались попрежнему идолопоклонниками-язычниками. По ихъ стариннымъ вѣрованіямъ Богъ и дьяволъ есть два существа самостоятельные и оба одинаково всемогущи. Богъ всегда пребываетъ на небѣ, а діаволъ въ своемъ подземномъ царствѣ; Богъ сотворилъ ангеловъ и все, что есть на землѣ, діаволъ же сотворилъ подземный міръ и діаволовъ; Богъ творитъ на свѣтѣ добро, а діаволъ зло, но ни тотъ, ни другой, другъ друга преоборэть не могутъ. Богъ имѣетъ семь сыновей и семь дочерей. Два сына его и двѣ дочери извѣстны. Одинъ сынъ, который караулилъ на землѣ отверзтіе, въ которое могъ проходить изъ подземнаго царства діаволъ и прокараулилъ, діаволъ обманулъ его. За это въ наказаніе Богъ превратилъ его въ ворона, питающагося падалью, поэтому остяки называютъ ворона „Тòромъ-погъ“, т. е. Божій сынъ и еще „кóллякъ“, т. е. дурачекъ. Другой же сынъ Божій—охотникъ. Богъ, творя звѣрей, сотворилъ лося о шести ногахъ, а охотникъ—сынъ Божій, будучи на охотѣ, убилъ лося и отрубилъ у него двѣ ноги, чтобы людямъ легче было убивать четвероногихъ лосей, такъ какъ шестиногіе они бѣгали очень быстро. Богъ прогнѣвался за это на сына-охотника и сдунулъ его съ неба. Тотъ упалъ на землю и попалъ въ пустое, дуплистое дерево, гдѣ и замерзъ. Дочери Божіи извѣстны только двѣ: солнце и огонь, т. е. свѣтъ и теплота, а прочіе пять неизвѣстны, а также неизвѣстно есть ли и были ли у Бога и діавола жены.

Ангелы и діаволы, сотворенные Богомъ и діаволомъ, облечены такимъ же тѣломъ, какъ и люди, но только у нихъ есть крылья. Какъ ангелы, такъ и діаволы женятся, нарождаютъ дѣтей и живутъ семействами, ангелы на небѣ въ золотыхъ домахъ, изъ которыхъ есть окошечки на землю, откуда они наблюдаютъ, что дѣлается на землѣ и которыя намъ, людямъ, кажутся звѣздами;

а дьяволы живутъ подъ землею въ городахъ. Назначеніе ангеловъ есть слѣдить за жизнію людей и направлять ихъ къ добру, а назначеніе діаволовъ направлять людей ко злу. Названія ангеловъ неизвѣстны, но нѣкоторыя названія діаволовъ извѣстны. Такъ „Тóромъ-юнкъ"—Божій діаволъ, онъ караулитъ городъ, гдѣ живетъ Богъ и бываетъ у Бога на посылкахъ, „вонтъ-юнкъ"—лѣсной діаволъ, „кёхъ-юнкъ"—каменный діаволъ, „инкъ-юнкъ"—водяной діаволъ, „мыгъ-юнкъ"—земной діаволъ, „тугу-юнкъ"—огненный діаволъ, „яркàнъ-юнкъ"—полевой діаволъ, „ылъ-юнкъ"—нижній, или подземный діаволъ. Кромѣ этого у нихъ есть еще идолы, т. е. куклы, сдѣланныя изъ дерева, или камня, или мѣди и они полагаютъ, что въ этихъ идолахъ поселяется и дѣйствуетъ тотъ діаволъ, имя котораго присвоено идолу. Такихъ идоловъ они держатъ, или у себя дома, или въ лѣсу въ амбарчикахъ, какъ я видѣлъ у озера Пèрель-ту и на островѣ озера Тухъ-сигàтъ, и приносятъ имъ подарки, которые отъ времени тлѣютъ и гніютъ.

Васюганская тундра въ административномъ отношеніи состоитъ изъ трехъ инородныхъ волостей: 1) Ларіатская волость отъ устья Васюгана до устья рѣчки Нюрольки заключаетъ въ себѣ шесть юртъ изъ 27 домовъ, съ населеніемъ 49 душъ мужескаго пола и 40 душъ женскаго пола (кромѣ юртъ по рѣчкѣ Нюролькѣ, куда я не ѣздилъ, но свѣдѣній не могъ дождаться, хотя и требовалъ ихъ). 2) Васюганская волость отъ рѣчки Нюрольки до самыхъ верховьевъ Васюгана, Чёртанлы и Ягылъ-яга состоитъ изъ двадцати пяти юртъ и въ нихъ 105 домовъ, съ населеніемъ 334 душъ мужескаго пола и 289 душъ женскаго пола и 3) Чижапочная волость, отъ устья рѣчки Чижапки до вершины ея, состоитъ изъ однихъ посѣщенныхъ мною юртъ въ четыре дома съ населеніемъ 8 душъ мужескаго пола и 6 душъ женскаго пола. (Кромѣ юртъ по рѣчкѣ Чижапкѣ, куда я не ѣздилъ, но свѣдѣній не могъ дождаться, хотя и требовалъ ихъ). По словамъ же инородцевъ по Нюролькѣ, кромѣ Усть-Нюрольскихъ юртъ, есть еще три юрты съ восемью семьями и по Чижапкѣ, кромѣ Усть-Чижапочныхъ юртъ, есть еще пять юртъ, гдѣ живутъ тринадцать семей.

Въ церковномъ же отношеніи Васюганская тундра дѣлится на два прихода: 1) отъ верховьевъ Васюгана внизъ до юртъ Варгананжиныхъ всѣ жители считаются прихода Васюганской церкви, и 2) отъ юртъ Варгананжиныхъ, по Чижапкѣ и до устья Васюгана жители причисляются къ приходу Каргасокской церкви.

Посѣщенныя мною тридцать двѣ юрты по прибыли и убыли народонаселенія за послѣднія двадцать лѣтъ находятся въ такомъ отношеніи, что племя Васюганскихъ инородцевъ нельзя назвать вымирающимъ, какъ другія вообще сѣверныя инородческія племена.

Въ	1862	году	было	муж.	пола	460,	жен.	394	души.
„	1867	„	„	„	„	414,	„	388	душъ.
„	1872	„	„	„	„	375,	„	347	„
„	1877	„	„	„	„	387,	„	333	души.
„	1882	„	„	„	„	391,	„	335	душъ.

Въ двадцатилѣтній періодъ времени убыло мужескаго пола 69 душъ и женскаго 59 душъ. Между тѣмъ у обскихъ инородцевъ прихода Новоильинской церкви Большечурубаровской волости юртъ Водяныхъ въ 1862 году было мужескаго пола 62 души, нынѣ же, въ 1882 году, считается мужескаго пола только 4 души.

Въ производительномъ отношеніи Васюганская тундра вся почти существуетъ исключительно рыбнымъ и звѣринымъ промысломъ и сборомъ кедровыхъ орѣховъ. По свѣдѣніямъ, взятымъ мною отъ торгующаго въ Васюганѣ крестьянина Федора Мефодіева Алексѣева, во всемъ Васюганѣ ежегодно добываютъ:

бѣлокъ	до 10,000	шт.,	по	сред.	цѣнѣ		15 к.,	на	сумму	1500 р.
лисицъ	„ 25	„	„	„	„	5 р.	— к.	„	„	125 „
колонка	„ 500	„	„	„	„	— „	60	„	„	300 „
соболей	„ 150	„	„	„	„	5 „	—	„	„	750 „
оленей	„ 5000	„	„	„	„	1 „	90	„	„	9500 „
лосей	„ 1500	„	„	„	„	6 „	—	„	„	9000 „
рыбы	„ 6000	пуд.	„	„	„	1	10	„	„	6600 „
орѣховъ	„ 4000	„	„	„	„	2 „	—	„	„	8000 „
										Всего на 35,775 р.

Федоръ Алексѣевъ ведетъ свою торговлю по всему Васюгану и забираетъ почти весь промыселъ Васюганской тундры. Ему

нельзя не знать промысла тамошнихъ инородцевъ. Онъ имѣетъ домъ, амбаръ для товара и приказчика въ юртахъ Айполовскихъ; въ Тимольгиныхъ юртахъ онъ имѣетъ крестьянина работника для зимнихъ оборотовъ, въ селѣ Васюганѣ имѣетъ домъ, амбаръ для товара и работника крестьянина и сверхъ того въ Югиныхъ юртахъ имѣетъ на квартирѣ постояннаго главнаго приказчика съ запасомъ муки, краснаго и прочаго товара. Изъ этого видно, что онъ завладѣлъ почти всею Васюганскою тундрою, вездѣ разставилъ свои сѣти и весь промыселъ инородцевъ рѣдко ускользаетъ изъ его рукъ. Онъ ежегодно ввозитъ въ Васюганъ товару:

муки ржаной	10,000 пуд.	по его продажн. цѣнѣ	— 90 к.,	на 9000 р.
крупы ячной	500 „	„ „ „	„ 1 р. 50 „	„ 750 „
чаю кирпичнаго	10 ящ.	„ „ „	кирп. 1 „ 50 „	„ 900 „
сахару	100 пуд.	„ „ „	фун. — 40 „	„ 1600 „
аршиннаго товара	-	- - -	-	„ 5000 „
броденъ, рукавицъ и чирковъ	-	- - -	-	„ 600 „
			Всего на	25,950 р.

Но кромѣ Алексѣева въ Васюганъ наѣзжаютъ торговцы изъ Каргасока: Сушковъ, Рождественскій, Машицкій, изъ Нарыма—Колотовкинъ и еще трое другихъ, да при всемъ этомъ въ верховье Васюгана наѣзжаютъ нѣсколько Тарскихъ крестьянъ-староверовъ, производителей новаго поколѣнія инородцевъ. Всѣ они, какъ эти наѣзжіе торговцы, такъ и крестьяне по верховью, срываютъ съ Васюганской тундры свою часть барыша, неизвѣстную Алексѣеву и невидимо ускользающую изъ его рукъ. Эта часть барыша вѣроятно достигаетъ, если не превосходитъ, до $^1/_4$ части промысла, показаннаго Алексѣевымъ и во всякомъ случаѣ должна доходить до 8000 руб., иначе не изъ чего было бы семи торговцамъ и десяткамъ двумъ крестьянъ посѣщать этотъ край. Слѣдовательно всю добычу Васюганскаго края можно опредѣлить покрайней мѣрѣ въ 43,000 руб.

Въ проѣздъ мой я посѣтилъ 32 юрты съ 136-ю семьями и, по словамъ инородцевъ, по Нюролькѣ и Чижапкѣ находится 8 юртъ съ 21 семьею, слѣдовательно во всемъ Васюганѣ проживаютъ 157 семействъ инородцевъ и если всю добычу промысла раздѣлить

между ними поровну, то выйдетъ, что на каждую семью приходится промысла 273 руб. 88$^1/_2$ коп., а на такія деньги всякая инородческая семья могла бы жить въ теченіи года очень богато. Но промышляютъ инородцы не всѣ, одни промышляютъ только одну рыбу, другіе и рыбу и звѣря, третьи рыбу и орѣхи, одни добываютъ болѣе, а другіе менѣе, одни любятъ трудиться, другіе полѣниться, а поэтому весь промыселъ невозможно распредѣлить поровну на каждую семью и судить о потребности ихъ края и о ихъ сбереженіяхъ. Да эти сбереженія могутъ быть у очень и очень рѣдкихъ инородцевъ, которые по пристрастію своему къ вину пропиваютъ съ себя и необходимую одежду, а не то что излишки промысла, или денегъ.

Для прокормленія васюганскихъ инородцевъ, какъ неимѣющихъ своего хлѣбопашества, казна по рѣкѣ Васюгану содержитъ два запасныхъ хлѣбныхъ магазина: одинъ въ селѣ Васюганѣ и другой въ юртахъ Айполовскихъ, куда ежегодно доставляетъ на баркахъ отъ трехъ до четырехъ тысячь пудовъ ржаной муки. Магазины эти заведены казною уже давно и въ первое время существованія служили для инородцевъ, пожалуй, можно выразиться, благодѣяніемъ, а въ дальнѣйшее время служили для вахтеровъ средствомъ наживы. Въ давнее время инородцы Васюгана еще не знавали хлѣба и не ѣдали его. Для нихъ достаточно было промысла. Попадалъ инородцу лось: снявши съ него шкуру, остякъ жарилъ мясо его на шашлыкѣ (вертелѣ), варилъ полный котелъ мяса въ котлѣ и ѣлъ до отвалу, и вся семья его была сыта до тѣхъ поръ, пока мясо лося не съѣдалось все до чиста. Когда неставало мяса, надобно было опять идти на промыселъ и если опять попадалъ ему лось, или олень, то инородецъ считалъ себя вполнѣ счастливымъ и обезпеченнымъ на нѣкоторое время. Попадали ему лисица и мелкіе звѣрки: колонокъ, горностай, бѣлка, кротъ, простая мышь, летяга,—инородецъ со всѣхъ ихъ сдиралъ шкурки, выбрасывалъ внутренности и, поджаривъ на шашлыкѣ, ѣлъ. Шкуры лосей оленей и всѣхъ мелкихъ звѣрковъ шли единственно для домашняго употребленія, потому что кому про-

давать ихъ и по какой цѣнѣ инородцы не знали. Изъ мелкихъ звѣрковъ горностай не былъ употребляемъ въ пищу, такъ какъ мясо его имѣетъ отвратительный запахъ, даже собаки не ѣдятъ его. За неимѣніемъ звѣря инородецъ промышлялъ рыбу и, точно также очистивъ и выбросивъ внутренности, жарилъ на шашлыкѣ, или варилъ въ котлѣ и питался. Съ большихъ рыбъ: щукъ и налимовъ инородцы всегда сдирали шкуры, высушивъ, выдѣлывали ихъ и сшивали изъ нихъ для себя платье, рубашки и штаны, изъ шкуръ же лосей, оленей и лисицъ сшивали для себя шубы, дохи, парки и обувь. Ни хлѣба, ни соли для нихъ не было нужно, да они и не знали и не видывали ни того, ни другаго. При ознакомленіи съ русскими крестьянами инородцы нижней половины Васюгана попробовали русскаго хлѣба, но онъ имъ не понравился, потому что не былъ такъ вкусенъ, какъ мясо. Когда же инородцы ближе ознакомились съ русскими, то стали продавать и вымѣнивать имъ шкуры звѣрей, добытыхъ ими, а для этого стали промышлять не столько для пропитанія себя и семействъ своихъ, сколько для продажи и мѣны. Отъ этого чрезъ нѣсколько лѣтъ звѣря поубавилось много, онъ сталъ попадать рѣже и рѣже, и ознакомившись съ ловушками инородцевъ, сталъ избѣгать ихъ. Какъ бы то ни было, но потребность въ хлѣбѣ явилась въ Васюганѣ, разумѣется, сначала какъ въ подспорьи къ промыслу, а потомъ эта потребность въ хлѣбѣ распространялась болѣе и болѣе. Вотъ, въ это то время казна и позаботилась о доставленіи васюганскимъ инородцамъ хлѣба и объ устройствѣ запасныхъ магазиновъ, сначала въ селѣ Васюганѣ, а потомъ, когда въ хлѣбѣ стала чувствоваться потребность по верховью Васюгана, тогда и въ Айполовскихъ юртахъ. Вахтерами въ эти магазины, какъ и вообще по всему Нарымскому краю, стали назначать людей изъ служилыхъ нарымскихъ казаковъ. Тогда были блаженныя старыя времена (присной памяти), когда всякій человѣкъ добивался тепленькаго мѣстечка, чтобы нагрѣвать свои руки и набивать свои карманы, разумѣется, доставляя малую толику и ближайшему начальству. Казаки, назначаемые вахтерами, какъ люди служилые, опытные, тотчасъ же смѣкнули, какъ и гдѣ можно пріобрѣсти выгоды

въ своемъ новомъ служеніи. Для инородца, получающаго изъ казеннаго магазина напримѣръ десять пудовъ хлѣба въ ссуду, ничего не стоитъ подарить вахтеру по одной бѣлкѣ за пудъ, т. е. десятокъ бѣлокъ. Да иногда и вахтеръ не въ духѣ, ему некогда отворить магазинъ до завтра, а чтобы не ждать до завтра инородцу, пріѣхавшему за тридцать верстъ, лучше вмѣсто одной бѣлки за пудъ поднести вахтеру двѣ, авось смилуется. Кромѣ того, вмѣсто выданныхъ какому нибудь инородцу десяти пудовъ, можно по книгѣ записать двадцать и эти излишніе десять останутся въ карманѣ у вахтера. Можно написать въ книгу пудовъ пятнадцать на такого инородца, который вовсе не бралъ хлѣба, и даже на такое имя, которое вовсе не существуетъ. Можно, проданный на наличныя деньги, хлѣбъ, поставить по книгѣ долгомъ, а деньги положить въ свой карманъ. Да и мало ли что можно сдѣлать служилому, опытному человѣку. Кто станетъ повѣрять съ натурою? тѣмъ болѣе, что Нарымскій край считался далекимъ краемъ, отдѣльнымъ засѣдательствомъ, а Васюганъ—краемъ, еще дальнѣйшимъ, куда ни одинъ исправникъ, или засѣдатель даже не заглядывалъ. Но зачѣмъ открывать завѣсу дальнѣйшихъ дѣйствій этихъ служилыхъ людей, этихъ благодѣтелей васюганскихъ инородцевъ, вспоминать „дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой". Многіе изъ этихъ служилыхъ людей и до сихъ поръ въ богоспасаемомъ градѣ Нарымѣ живы и, покрытые старческими сѣдинами и по поясъ бѣлыми бородами, пользуются всеобщимъ уваженіемъ всѣхъ согражданъ, какъ люди, умѣвшіе въ свое время воспользоваться удобнымъ случаемъ. Сибирская газета 1881 года огласила въ свое время дѣянія этихъ служилыхъ людей. Въ настоящее время на Васюганскихъ инородцахъ считается огромная хлѣбная недоимка отъ лѣтъ минувшихъ, на лицахъ, уже умершихъ безъ наслѣдниковъ, на лицахъ, которыя брали хлѣбъ и уже давно уплатили, на такихъ, которые совсѣмъ не брали хлѣба и на такихъ лицахъ, которыя никогда не существовали въ Васюганѣ. И вся эта недоимка погрязла въ карманахъ вахтеровъ, бывшихъ отъ самаго начала магазиновъ. Хотя мѣстная администрація и входила не разъ по начальству о сло-

женіи этой недоимки, но высшая администрація, вѣроятно, не читавшая Сибирскую газету 1881 года, за великимъ множествомъ текущихъ дѣлъ, не рѣшается на это сложеніе, хотя взысканіе этой недоимки по справедливости слѣдовало бы произвести изъ имущества всѣхъ бывшихъ до настоящаго времени вахтеровъ въ Васюганѣ. Кромѣ того около шести лѣтъ назадъ чрезъ нынѣшняго вахтера Соснина были отобраны отъ всѣхъ Васюганскихъ инородцевъ всѣ квитанціи въ уплатѣ ими хлѣбныхъ недоимокъ и представлены бывшему засѣдателю Усольцеву, для какихъ то справокъ. А подобная штука дала поводъ нынѣшнему вахтеру ловить рыбу въ мутной водѣ и недоимка все ростетъ и ростетъ, хотя сами инородцы отзываются, что ихъ старшинами каждую весну, при уплатѣ ясака, уплачивается ежегодно и хлѣбная недоимка минувшаго года.

Едва ли въ настоящее время хлѣбные магазины Васюганскій и Айполовскій не можно почесть излишними, такъ какъ туда доставляется хлѣба очень достаточно Алексѣевымъ и прочими торговцами. Казенные же магазины только тогда и хороши и доставляютъ истинную пользу, когда они могутъ вполнѣ конкурировать съ вольною продажею хлѣба. Но могутъ ли конкурировать наши Васюганскіе хлѣбные магазины съ Алексѣевымъ, когда на 1882 годъ цѣна на хлѣбъ по стоимости назначена была изъ магазиновъ по 97 коп. за пудъ, а Алексѣевъ съ воли продавалъ муку въ долгъ по 90 коп. и на наличныя деньги по 80 коп. Въ 1882 году къ веснѣ въ Васюганскомъ магазинѣ не было ни пылинки хлѣба, а въ Айполовскомъ хранилось до 600 пудовъ, но онъ не былъ выдаваемъ инородцамъ затѣмъ, что вахтеру было лѣнь ѣхать водою изъ села Васюгана до Айполовскихъ юртъ около 800 верстъ, для выдачи хлѣба изъ тамошняго магазина, а поэтому весь народъ въ Васюганѣ положительно голодалъ, ожидая или пріѣзда изъ Тюмени Алексѣева, или прихода казенной барки съ хлѣбомъ. Въ концѣ августа Алексѣевъ пріѣхалъ изъ Тюмени, а казенная барка съ хлѣбомъ такъ и осталась въ Нарымѣ. Подрядчикъ, который взялся доставить ее до Васюганскаго и Айполовскаго магазиновъ, обратился къ тому же Алексѣеву и просилъ его наполнить Васю-

ганскіе магазины своимъ запаснымъ хлѣбомъ, а хлѣбъ съ барки взять себѣ, взамѣнъ насыпаннаго въ магазины хлѣба. Съ подрядчика просили очень дорого за сплавъ барки до села Васюгана и Айполовскихъ юртъ по причинѣ быстрины и многоводія Васюгана, да и по изобильному урожаю орѣховъ всѣ рабочіе бросились на добычу орѣховъ. Такая, ничтожная повидимому и очень простая, сдѣлка подрядчика съ Алексѣевымъ сдѣлаетъ то, что хлѣбъ въ Васюганскомъ и Айполовскомъ магазинахъ достигнетъ въ 1883 году цѣны 1 руб. 50 коп., а Алексѣевъ свободно будетъ продавать хлѣбъ съ той же казенной барки по 90—80 коп. и даже дешевле, потому что онъ уже заручился барышами. Это ли есть конкуренція казны противъ торговцевъ? Нельзя ли назвать нынѣшнее существованіе хлѣбныхъ магазиновъ пособіемъ торговцамъ къ наживѣ. Какую выгоду могутъ доставить эти магазины инородцамъ, когда они могутъ всегда взять хлѣбъ у Алексѣева дешевле двадцатью копѣйками на пудъ и какая отъ нихъ выгода казнѣ, кромѣ вѣчно-накопляющейся недоимки, которая не имѣетъ никакихъ обезпеченій ко взысканію. Гораздо бы лучше совершенно уничтожить эти магазины и предоставить васюганскимъ инородцамъ кормиться хлѣбомъ отъ торговцевъ. Вѣдь, въ нынѣшній 1882 годъ, голодный по многоводію и недобычѣ рыбы въ Васюганѣ, казенные магазины нисколько не пособили инородцамъ въ голодѣ, а пособилъ имъ Алексѣевъ. Также пособилъ имъ и на 1883 годъ Алексѣевъ, наполнивъ эти магазины своимъ запаснымъ хлѣбомъ. И всегда имъ будетъ помогать Алексѣевъ, а ничуть не хлѣбные магазины, которые доставляютъ только выгоду вахтеру, завѣдывающему ими.

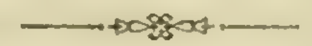
Н. П. Григоровскій.

ТАБЛИЦА

О НАСЕЛЕНІИ ВАСЮГАНСКОЙ ТУНДРЫ ПО ЮРТАМЪ ЗА ПОСЛѢДНІЯ 20 ЛѢТЪ.

Названіе юртъ	Число домовъ	1862 г.		1867 г.		1872 г.		1877 г.		1882 г.		Число коровъ	Число лошадей
		м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.		
Югины	5	-	-	13	13	12	16	11	16	8	10	6	9
Маргины	3	-	-	11	8	14	10	9	7	8	7	-	6
Наунакъ	4	-	-	8	8	12	6	13	7	11	9	-	5
Усть-Чижапка . .	4	-	-	13	9	8	7	8	7	8	6	-	6
Каргальдаевы. . .	2	-	-	-	-	4	3	6	4	6	4	-	3
Варгананжины лѣтн.	4												
Варгананжины зимн.	9	-	-	25	22	18	22	23	22	16	10	-	12
Усть-Нюролька . .	3	12	10	13	15	20	24	23	16	24	15	-	7
Салагичи	2	5	2	4	2	4	3	3	5	5	8	-	3
Тейкины	1	4	5	2	2	2	2	2	2	3	2	-	3
село Васюганъ . .	7	10	6	8	5	7	7	5	6	8	8	8	10
Кильсины	1	4	2	6	6	1	4	3	2	7	1	-	3
Пенырскія	5	21	17	18	23	14	18	17	18	17	19	-	8
Калкынакъ . . .	8	37	38	31	37	39	29	37	35	32	27	-	17
Мадуковы	3	12	9	13	12	14	13	12	8	8	6	-	5
Кадылька	4	14	15	11	18	8	12	11	11	8	8	-	6
Тимильгины . . .	4	16	11	11	12	9	8	9	8	11	11	-	8
Айполовскія . . .	20	82	76	74	81	63	63	56	55	70	63	-	22
Оконцугонцы . . .	4	33	16	29	20	26	28	31	25	18	12	-	7
Кунтики	5	1	2	-	-	-	-	12	10	16	12	-	6
Мукатаевы. . . .	4	22	17	17	10	10	8	9	6	7	5	-	9
Андрушкины . . .	7	24	18	21	16	21	15	21	16	18	15	-	8
Колмаковы . . .	6	40	21	33	20	25	15	26	17	27	31	-	12
Арпаи	—	1	2	5	4	4	3	-	-	-	-	-	-
Инжины	2	-	-	-	-	-	-	1	3	3	6	-	6
Лесморовы 1-я . .	3	-	-	-	-	-	-	3	2	4	5	-	1
Лесморовы 2-я . .	1	-	-	-	-	-	-	-	-	5	3	-	-

Названіе юртъ	Число домовъ	1862 г.		1867 г.		1872 г.		1877 г.		1882 г.		Число коровъ	Число лошадей
		м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.		
Зыряны 1-я . . .	1	5	2	4	5	4	8	5	5	4	4	-	3
Зыряны 2-я . . .	2	13	15	14	14	11	4	8	4	9	8	-	6
Зыряны 3-и . . .	1	-	-	-	-	-	-	-	-	3	1	-	1
Вилкины	1	4	4	3	2	4	2	7	4	5	2	-	4
Томыспàевы . . .	3	30	28	27	24	21	17	15	10	17	9	-	8
Ай-игалъ-пуговъ .	5	-	-	-	-	-	-	1	2	5	7	-	4
	136	-	-	414	388	375	347	387	333	391	335	14	208

I

Зы
Зы
Зь
Ві
Тс
Аі

